

ЛУННЫЙ СВЕТ
и дочь охотника за жемчугом

Лиззи Поук

Лиззи Поук
Лунный свет и дочь
охотника за жемчугом
Серия «Жизнь как приключение»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69628522

Лунный свет и дочь охотника за жемчугом: Издательство АСТ;

Москва; 2023

ISBN 978-5-17-153123-2

Аннотация

Жемчужина – это песнь сирены в форме камня, посылающая людей на такие расстояния, на которые они и не мечтали отправиться.

1886 г. Западная Австралия.

Семейство Брайтвелл, приплыв из Англии, обосновывается в новом доме в Австралии. Десятилетняя Элиза мало что знает о том, что ждет их на этих берегах, где жемчужные раковины порой достигают размеров суповых тарелок и где за экзотической красотой повсюду скрывается опасность. Отец обещал, что именно жемчуг обеспечит им состояние.

Десять лет спустя Чарльз Брайтвелл, ныне самый удачливый охотник за жемчугом в заливе, исчезает со своего корабля в открытом море.

В городе ходят слухи о мятеже и убийстве. Упрямая Элиза отказывается верить, что ее неординарный отец мертв, и жаждет выяснить, что с ним случилось на самом деле. В поисках правды Элиза обнаруживает, что за красивым фасадом индустрии по добыче жемчуга скрывается много темных и грязных секретов. Элиза вскоре узнает, что правда может стоить дороже жемчуга, и она должна решить, сколько готова заплатить и сколько опасностей преодолеть, чтобы найти ее...

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Глава 1	11
Глава 2	24
Глава 3	30
Глава 4	38
Глава 5	49
Глава 6	58
Глава 7	63
Глава 8	71
Глава 9	73
Дневник Чарльза Дж. Г. Брайтвелла, торговца жемчугом. Заметка про акул Северо-запада Австралии	82
Глава 10	84
Дневник Чарльза Дж. Г. Брайтвелла, торговца жемчугом. Трагедия	88
Глава 11	91
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Лиззи Поук
Лунный свет и дочь
охотника за жемчугом

Copyright © 2022 Lunar Books Ltd;

© Теплоухова Е., перевод, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Посвящается Розы

От автора

Я признаю аборигенов и жителей островов Торресова пролива коренными жителями земли, о которой пойдет речь в этой книге, и отдаю дань уважения старейшинам прошлого и настоящего.

Отец лежит на глубине пяти саженей,
кораллы в его кости проросли;
глаза мерцают жемчугом бесценным,
Он полон вечности, богатства, тишины.
Ничто не увядает – это странно.
Не странно то, что нимфы каждый час
сквозь моря шум и волн
Звонят свое: дин-дон...
Как будто они молятся за нас.

Уильям Шекспир, «Буря»¹

«Вперёд, в открытое море! Плевать на сокровища!
Это великолепие волн вскружило мне голову».
Роберт Льюис Стивенсон, «Остров сокровищ»

¹ Здесь и далее перевод стихов Елены Теплоуховой.

Пролог

Баннин-Бей, Западная Австралия 1886

Никогда прежде Элизе не доводилось видеть землю, настолько похожую на кровь. С палубы парохода можно долго смотреть, как она поблескивает, простираясь ленивым, размытым солнцем пятном.

Элиза прикрывается ладонью от слепящих бликов, пристав на цыпочки, вглядывается вдаль поверх полированных перил. В жарком мареве перед ней дрожит красная поверхность земли и бурлит, волнуясь, зелёная морская пучина. В наполненном вонью соли и водорослей горячем, душном воздухе висит что-то тревожное.

– У нас получилось, мои дорогие, мы здесь! Замечательно! – Отец улыбается, и его напомаженные усы приподнимаются вверх. Он отворачивается от своей семьи, чтобы полюбоваться на странный пейзаж – зеркальные бухты и мрачные скалы цвета раздавленных насекомых.

Это путешествие должно спасти их. Так говорил им дома отец за бараниной с подливкой. Перед этим он потчевал их байками о жемчужных раковинах, сияющих перламутровым блеском с оттенками шампани, серебра и сливок. Вместе с

братом он собирался запустить флотилию люгтеров² для перевозки и продажи раковин американцам и французам. Мир уже распробовал трофеи залива Баннин, превращая перламутр в пуговицы и невероятной красоты рукояти для револьверов.

С замиранием сердца они наблюдали за тем, как отец достал свой старый атлас, перелистнул страницу и провёл ладонью по месту под названием Новая Голландия.

– Смотрите! – Он ткнул пальцем вниз, на западное побережье. – Как только мы доберёмся туда, позабудем обо всем, что случилось.

Перед глазами Элизы предстает пустынный белый пляж. Далеко за горизонт убегают дюны с острыми пиками солончаков. Внизу, под перилами чайки кружат вокруг пристани, которая, как изогнутый хвост крокодила, скрывается в мангровых зарослях.

Отец уверенным шагом ведёт их за собой на берег: дядю Виллема, тетю Марту, мать и брата Элизы. Томас на голову выше неё, выделяется в своих коротких брючках и отглаженном парадном пиджачке. Оглянувшись назад, она замечает портовых грузчиков со сгорбленными спинами. Одетые в замызганные жилетки и молескиновые брюки до колен, они сносят с корабля то, что осталось от вещей Брайтвеллов.

Держась за подол матери, Элиза спускается на пристань.

² Небольшое парусное судно, использовавшееся в частности для добычи жемчуга (здесь и далее примечания переводчика).

Именно в этот момент ее ноги скользят по доскам со скоростью ножа по салу, и она падает ничком, ударяясь затылком об отвратительно воняющие доски. Ей приходится опереться ладонью о жирную древесину, усыпанную рыбьей чешуей и ошметками мяса, высохшего на солнце до хруста.

– Вставай, Элиза. Отряхнись. – В утешение мать протягивает ей свою широкую ладонь.

Мать поднимает ее на ноги, и Элиза потирает локти и отряхивает юбки. Солнце разбросало сверкающие монетки по всему морю, из-за них в глазах пляшут звездочки. Подняв голову, Элиза обнаруживает заслонивший небо полумесяц маминой шёлковой шляпы с такими до нелепости широкими полями, что иногда дома мужчины прятались от неё по углам.

«Как странно она смотрится на фоне этого необычного нового места, – подумалось Элизе. – Словно когда-то красивая стрекоза, угодившая в ведро с грязной сточной водой».

Они спускаются по пристани, отец с братом вышагивают впереди. В сгибах локтей и коленей скапливается пот. Они проходят мимо мужчин, которые, неотрывно следя за ними, мозолистыми руками конопатят швы киянками, кувалдами и ржавыми лезвиями. Мать на них не обращает внимания – что легко для того, кто привык к восхищенным взглядам, вместо этого она смотрит с берега на мерцающий шёлк моря.

– Смотри, моя девочка, как красиво! – Она приседает перед дочерью, становясь с ней одного роста. Элиза слышит

всплеск до того, как это происходит. Краем глаза она улавливает движение, но не успевает отвернуться. Жидкость – вонючая, густая, с кусками грязи – выплескивается на них и медленно стекает по лицу Элизы. Они хором поворачиваются к мужчине, который замер на месте – он похож на высушенный на солнце изюм; во рту у него виднеется всего несколько серых зубов. Под мышкой мужчина держит бочку с рыбьими потрохами, а морщинистую ладонь поднял вверх в знак капитуляции.

– Я извиняюсь, – выдыхает он, хотя на его губах играет улыбка. – Леди, вы оказались прямо на моем пути. Прошу меня простить. – Он отступает в сторону, давая им пройти. – Пожалуйста.

Мать фыркает, резко дергая дочь вперёд. Размазывая по щекам потроха, Элиза оборачивается и видит, как мужчина снимает шляпу, откашливает из горла комок мокроты и вместе с клейкой струйкой слюны сплёвывает себе под ноги. Мать переходит на рысь, дергая Элизу за руку, пока она сама, повернув голову, продолжает смотреть назад.

До неё с трудом доносятся слова, прежде чем их уносит бриз. Пять слов, которые она навсегда запомнит.

– Добро пожаловать в Баннин-Бей.

Глава 1

10 лет спустя, Баннин-Бей, Западная Австралия, 1896

Она попросту оставит этого таракана умирать. Вот как она поступит. Он будет лежать на спине, в изнуряющей духоте сезона дождей, медленно перебирая лапками, затем дергаясь, пока наконец вовсе не перестанет двигаться.

Снаружи восходящее солнце нежно обнимает землю. Над заливом кружат стаи морских птиц, в предрассветной туманной дымке берег окрашивается в розовый цвет. Элиза переводит взгляд на часы на комод, за запыленным выпуклым стеклом мерцают четыре луны. Она шевелит пальцами, пока перебирает цифры в уме.

Шестьдесят один.

Столько дней она ночевала в этом бунгало одна! И с каждой последующей ночью одиночество копилось, уплотняясь как сажа в трубе. Сейчас, как это бывало все чаще, она сама составляет компанию звукам: нетерпеливому тиканью гофрированного железа, еле слышному постукиванию лапок таракана о полированное дерево джарра³. Однако сегодня –

³ Эндемик Австралии, дерево может достигать высоты 40 метров. Ценится за

в день настолько влажный, что его можно попробовать на вкус, – сегодня ее дом снова наполнится жизнью.

Она надевает обувь и расправляет юбки, представляя, как оживает Баннин-Бей – в городе распахиваются ставни, торговцы, наклонившись, подметают дорожки к своим магазинчикам. По пыльным переулкам будет свистеть ветер, неся с собой истории о смерти в море. Люди, встречаясь, будут по секрету рассказывать друг другу о звоне раковин и шептать о грядущих бурях, разрывающих небеса, словно гнилые зубы. На берегу первые из люггеров завалятся набок в иссиня-чёрную жижу. Оставшийся флот вернётся позже, после долгих месяцев ловли жемчуга. С ними вернутся ее отец и брат. Элиза больше не будет одинока.

Она перевязывает волосы бантом и вытирает липкую шею. Сквозь решетку на окне с каждой минутой все ярче пробиваются лучи утреннего солнца, отбрасывая на мебель четкие узоры. Элиза оглядывается, убеждаясь, что насекомое все ещё живо. Десять лет прошло, а она так и не смогла привыкнуть к тараканам и вряд ли когда-либо привыкнет. Она подходит к букашке и рассматривает его блестящее перевёрнутое тельце с лапками, похожими на сломанные веточки.

В этом месте витают мертвецы, – подумала она. В городе их полно: раздутые от трупного газа туши крокодилов, угодивших в ловушки для макрели, тела утонувших ловцов

жемчуга, закопанных в песок выше линии прилива.

Она застегивается на все пуговицы и выходит из бунгало. Грунтовые дорожки теперь знакомы ей так же хорошо, как и улицы Лондона. Но вместо густого смога и грязи сточных канав при каждом ее шаге вверх вздымается оранжевая пыль. Из зарослей цветов яростно вопят розовые какаду, а перезрелые манго злорадно взирают на неё как пышнотелые королевы, рассеявшиеся на деревьях.

Она делает всего несколько шагов и резко останавливается. Повернувшись, смотрит на бунгало, стоящее на серых каменных сваях. С поникшими плечами, тяжело вздохнув, поднимается по ступенькам и заходит обратно в дом. Переступив через порог, наклоняется, вытирая юбками с полированных досок пола скипидар недельной давности. Просунув указательный палец под насекомое и, легонько щёлкнув, переворачивает его. Таракан как будто мелко дрожит, шевеля в воздухе тоненькими усиками. Когда Элиза снова выходит в духоту улицы, он уже убегает.

* * *

Жемчужный люггер может несколько долгих месяцев находиться в море, а его команда возвращается на берег, покрывшись толстым слоем соли, как сушеная селедка. Они сталкиваются с приливами и отливами, бурным течением и одиночеством на своих маленьких деревянных суденышках,

неудивительно, что в море рождаются связи, которые ни человек, ни случай никогда не смогут разорвать. Во время работы ботинки со свинцом грузом удерживают водолазов на дне океана, а ещё тяжелые нагрудные пластины и медный корсет. Элиза читала статьи в газетах, где подробно описывалось, как людей сбивало с палубы мачтой, и они тонули под всей этой металлической тяжестью.

«Тендер⁴ должен следить, чтобы его водолаз поднимался на поверхность медленно, – говорил ей отец. – Иначе он может остаться калекой». Людей вытаскивали мертвыми конечно, было и такое. Раздавленными до неузнаваемости, с желудками, вдавленными в грудную клетку. Некоторые умирали с раздутыми лицами, чёрными распухшими языками, вылезшими из орбит обезумевшими глазами.

«Белый скворец» в плавании уже почти девять недель, его команда собирает раковины с морского дна и складывает их в трюм вместе с сушеной рыбой и порошком карри. Элиза много раз была свидетельницей возвращения мужчин из плавания: изможденные призраки, с ввалившимися глазами, они медленно сходят со своего судна, их кости выступают, как клавиши пианино, открытого для игры.

⁴ Человек, обеспечивающий работу водолаза с борта судна.

Она идёт к пристани, получая по пути от жителей городка вялые кивки. Низкие бунгало укрылись под тенью пальм и серебристых эвкалиптов. Дома, когда-то выкрашенные в зелёный и бежевый, не останавливают расплзающееся пятно засушливой земли.

– Ты идёшь их встречать? – Миссис Рисли выглядывает из-под мокрого полотенца. Элизе приходится напрячь слух, чтобы за галдежом корелл на крыше расслышать ее слова. – Они возвращаются сегодня, да? – Пожилая вдова тяжело поднимается с кресла на веранде. Элиза, слабо улыбнувшись, кивает, уходя прочь от ее пристального взгляда.

Она торопливо проходит мимо кустов, в которых неистово жужжат насекомые. Впереди красная земля сменяется бледным золотистым песком. Вдалеке в зарослях эвкалиптов теснятся потрепанные штормом лачуги. Она до сих пор не может привыкнуть к контрасту: бунгало в пол-акра с их пышной растительностью и море покоруженного металла за ним, колышущееся в удушающем мареве.

– Не хочешь причесаться? – окликает Мин с соседнего порога. Похоже, она работает. Элиза улыбается, подходя к ней. – Сегодня тот самый день? – спрашивает подруга. Волосы Мин уложены в аккуратный шиньон, заколотый перламутровыми шпильками, которые блестят на солнце, как след

улитки. Элиза вздрагивает, услышав приглушённый кашель, доносящийся из хижины.

– Должен быть сегодня, – напряжённо кивает Элиза. Сердце сжимается при мысли о скорой встрече с отцом. – Сегодняшний день показался мне бесконечно долгим. Но я в порядке, правда. Я в порядке, – как всегда, сдержанно говорит она. Над крышей хижины на ветку садится маленькая бриллиантовая горлица. Они наблюдают за тем, как она чистит пёрышки, а затем обращает на них взгляд своих глазок, окаймленных красной полоской.

– Ну, я полагаю, всегда нелегко, – подытоживает Мин. – Особенно если ты как сейчас строишь из себя скромницу. – Она рассеянно закусывает губу, отчего ее и так резкие черты лица заостряются ещё больше.

– Девочка, ты испытываешь мое терпение! – грубый голос рявкает из темной глубины дома. Элиза вздрагивает, но не успевает быстро скрыть выражение своего лица.

– О, дорогуша, стоит ли напоминать тебе, что не у всех есть отцы, владеющие целой флотилией? – Мин заправляет за ухо выбившийся локон. Элиза ощутила острый укол вины, заметив в мочках ушей Мин сережки – возможно, подарок от поклонника, но вероятнее всего извинение.

Так было не всегда. В детстве, оказавшись вместе в этом городе, который как будто балансирует на краешке земли, они восторженно рассказывали о морских приключениях и захлёб делились мечтами о путешествиях в экзотические

страны. Мин не стесняясь говорила о том, как будет крутить романы, о красавце морячке, за которого выйдет замуж, и о детишках, упитанных и счастливых, которых они будут растить вместе. Она сюсюкала с младенцами, которых выгуливали дамы из высшего общества Баннина. Но когда подходила к ним поближе, женщины поджимали губы и отгоняли ее, как назойливую муху. С возрастом Мин становилась все красивее, а Элиза – все невзрачнее. Подруга поддразнивала ее:

– Ты никогда ничего не добьёшься в этом городке, если не будешь проявлять интереса к мужчинам.

– Меня интересуют мужчины, – холодно парировала Элиза. – Просто меня не интересует замужество.

– Интерес к содержимому мужской библиотеки не означает интереса к мужчинам, – ворчала Мин.

– Эй! – снова доносится из хижины разгневанный оклик. – Я плачу тебе не за то, чтобы ты чесала язык с кем попало.

Мин нервно оглядывается, стягивая шаль с плеч.

– Мне пора. – Она быстро целует Элизу и скрывается во мраке.

* * *

Когда Элиза подходит к причалу, под лучами палящего солнца здесь кипит жизнь. Мужчины, волокущие корзины, похожи на муравьев, приносящих листья для своей ко-

ролевы, тёплый бриз доносит до неё их голоса. Зловоние здесь невыносимое – пот, грязь, протухшие устрицы. Глубоко вдохнув, она понимает: здесь пахнет жизнью и смертью одновременно. Несколько бортов уже пришвартовались, скоро вокруг них выроют траншеи, чтобы защитить от ударов волн. Каепутовые⁵ шпангоуты люггера, опрокинутого набок, валяются на илистой отмели. Когда начнётся прилив, вода захлестнёт лодку, выплеснув на берег дезориентированных крыс и разбросав тараканов по пляжу.

Она смотрит вдаль на отступающие волны, но не видит никаких признаков судна отца. Стремительность прилива в заливе Баннин ее всегда удивляла. То, как быстро и высоко выплескиваются волны, обтекая мангровые заросли, а затем – не успеешь и глазом моргнуть – уползают обратно. Судна ловцов жемчуга здесь живут и умирают, вместе со своими командами повинувшись притяжению Луны, весенним приливам и отливам. Бесконечный караван прибывающих и отплывающих лодок.

Стоит невыносимая жара, и Элизе приходится ослабить воротничок и закатать рукава до локтя. Ее когда-то бледная кожа на предплечьях теперь покрылась светло-коричневым загаром. Такого старые знакомые ее матери не одобрили бы. За годы, прожитые в Баннин-Бей, Элиза усвоила, что от женщины ожидают всего пару вещей: либо ты носишь белые перчатки, либо становишься обычной блудницей. Она ни то, ни

⁵ *Каепутовое дерево* – вечнозелёное дерево из семейства миртовых.

другое, и отказ от первого варианта привёл в ярость женщин высшего света городка. Теперь, когда она встречается с ними на улице, они проплывают мимо, даже не удостоивая ее взглядом, похожие на какие-то фигурки с верхнего яруса торта, – в платьях из тафты, в перчатках и шляпках с вуалью, прижимая к груди клатчи с перламутровыми застежками.

Она усаживается на колышавшийся пирс, подоткнув под себя юбки, и прижимает пальцы к обгоревшей коже головы. Боль от этого движения посылает дрожь по телу. Неподдалёку прихорашиваются пеликаны, а одинокая скопа⁶ кружит над дюнами. Элиза убирает волосы со лба, смотрит вдаль на океан. На горизонте из тумана появляются паруса, блестя на солнце, как полированные кости.

– Скорее всего, все они погибли, – раздаётся за ее спиной хриплый голос, сопровождаемый вороньим карканьем. Она поворачивает голову, уткнувшись взглядом в деревянную ногу. Так близко, что можно рассмотреть прогрызенные червями ходы. – Чарльз никогда не был хорошим моряком, – ухмыляется ее дядя. У него впалые щеки и восковая кожа, а одет он в некогда белый костюм, теперь почерневший от грязи. Дядя посасывает короткую курительную трубку, удерживая ее дрожащими пальцами. Кожа на его руках посинела от укусов песчаных мух.

– Виллем. – Она поднимается, встречаясь с его кислым дыханием и стараясь не обращать на это внимания. – Про-

⁶ Хищная птица семейства соколиных.

сто решила их встретить. – Как поживаете? – Она понадеялась, что ее притворная вежливость хоть наполовину убедительна. Она уверена, что дядя выбрал это время не случайно. Он часто околачивается рядом, когда шхуны подают сигнал о возвращении. Он так сильно жаждет ракушек, но сам нырять уже не в состоянии. Ему остаётся только глазеть на шлемы ловцов жемчуга и облизываться на их сияющие белозубые ботинки.

– Скажи своему отцу, чтобы зашёл ко мне, когда появится, – велит Виллем. – Нам необходимо с ним кое-что обсудить. – Элиза не поворачивается и не смотрит, как он уходит.

В полдень приходит пекло, солнце поднялось высоко, сияя, как начищенный пенни. Она проводит время, представляя отцовский люггер, скользящий по бирюзовым волнам с парусами, наполненными ветром.

Представляет, как Сюдзо Сайондзи, главный водолаз, с первыми лучами солнца медленно опускается на дно моря. Она почти слышит вонь вяленого мяса устриц, витающую над мачтами люггера; остро-сладкий запах пота членов команды – босых тендеров, открывателей раковин, и поваров, закидывающих лески с борта судна. Наконец, она видит знакомое лицо Баларри, на его иссушенной солнцем коже глубоко отпечатались морщины.

У неё звенит в ушах от жары, в то время как все больше люггеров подходят к пристани. Они приносят с собой мурашки, медленно расползающиеся по телу. Она наблюдает за

тем, как по трапу спускаются, пошатываясь, измотанные команды, мечтая о роме и комфорте после столь долгого пребывания среди парусины и досок. С мачты одного из люггеров отцепляются две тощие обезьянки-капуцины и спрыгивают на причал. Они одеты в фески и жилеты с изящной вышивкой. Элиза почти не моргает.

Мимо проходят щеголеватые ловцы жемчуга, одетые, как люди на картинках из отцовских исторических книг, где люди изображены с поднятыми коленями, дымящимися ружьями и развевающимися флагами. Она так хорошо изучила их портовую униформу, что без подсказки смогла бы нарисовать их фетровые шляпы, шелковые шейные платки, белые рубашки и укороченные брюки.

Солнце уже подбирается к дюнам, освещая шары сухого спинифекса⁷. Но на горизонте по-прежнему никаких признаков «Скворца». Все внутри сжимается от осознания этого факта, как бы Элиза ни пыталась игнорировать это чувство. Она и прежде играла в эту игру ожидания, но скоро лодка придёт в гавань, и наконец все будет хорошо. Она сглатывает кислый привкус во рту и переводит взгляд на работающих мужчин. Она знает, что ее невзрачная внешность никого из них не заинтересует: у неё серые глаза, мальчишеское телосложение и нос, вправленный кулаком брата. Поэтому она, не скрываясь, наблюдает за ними, эта фамильярность для неё как бальзам. Но когда ее взгляд задерживается на

⁷ Род растений в пустыне.

широких плечах и потных затылках, появляется странный зуд, поднимающийся от груди к кончикам ушей. Посмотрев на горизонт, она с ужасом понимает, что за ней наблюдают. Это мужчина в широкополой шляпе, сдвинутой на затылок, у него худое лицо и угловатый подбородок. Странная улыбка играет у него на губах, когда он смотрит на неё. Ей не очень-то приятно его внимание, поэтому она резко отворачивается в другую сторону.

Ужас сгущается, оседая камнем в желудке по мере того, как проходит ещё несколько часов. Остальные люггеры уже подняты и разоружены. День клонится к закату, и всего несколько рабочих остаются на пристани. Она уже собирается сдаться и вернуться в пугающем одиночестве в бунгало, когда на горизонте появляется булавочная головка, заставляя Элизу вскочить на ноги и вытянуть шею. Если прищуриться, можно разглядеть маленький силуэт люггера. Горло сжимается. Она почти зажмуривается и теперь точно видит характерную окраску. «Скворец» всегда был белым, корабль-призрак, брошенный в мраморные сине-зеленые морские волны.

Она чувствует, что что-то не так, хотя по мере его приближения видит, что на палубе спуют люди. Элиза вглядывается в люггер, сжимаясь от ужаса. Вот и флаг не на своём месте, болтается приспущенный на середине мачты. Элиза судорожно сглатывает. Кровь шумит в ушах. Такие флаги ей уже доводилось видеть.

Матросы прыгивают с палубы, чтобы закрепить швартовые концы. Элиза поджимает пальчики на ногах в ожидании, когда появятся ее отец и брат. Первым сходит водолаз Сюдзо, его зубы стиснуты, а глаза пугающе широко распахнуты. Она окликает его, но он избегает ее взгляда.

– Элиза, мне очень жаль. – Его голос дрожит, медали у него на груди сверкают под лучами заходящего солнца. Он проходит мимо неё, торопясь скрыться в толпе. Заметив брата, Элиза бросается ему навстречу. Рубашка на нем грязная, а брюки, изодранные в лохмотья, покрытые солью. Она задается вопросом, почему он не переоделся в белое, как Сюдзо. Обычно поджарый как пастушья собака, Томас сейчас худее, чем она когда-либо видела. Надвинутая на глаза шляпа бросает тень на все его небритое лицо. От кончиков пальцев на ногах до горла что-то темное пробегает по внутренностям Элизы. Продираясь сквозь толпу людей, она зовёт брата по имени, пока наконец их глаза не встречаются. Его взгляд вдавликает ее в землю, словно тыкву. Ее нервы натянуты как струна. Кажется, будто земля замерла, перестав вертеться вокруг своей оси.

– Где он? – Наверное, ее рот сам формирует слова.

Он только моргает, у него каменное выражение лица.

– Пропал.

Глава 2

1886

– Вам здесь понравится, – растягивая слова, сказал мужчина. Элиза не сводила глаз с его белых кожаных ботинок, так тщательно начищаемых, что кожа на них истончилась, обозначая форму пальцев.

Отплывающий пароход теперь оставил после себя лишь дым на горизонте, и Элизу встревожил горячий воздух, вцепившийся ей в горло. Она вспомнила о дыме, который вырывался дома из заводских труб. Ее сердце сжалось от легкой грусти. Как же она тосковала по привычной серости!

– Что ж, не хочу вас пугать, но должен предупредить, что здесь в заливе среди людей иногда могут возникать некоторые разногласия. – Септимус Стэнсон стряхнул с брюк невидимую пылинку и достал шелковый веер, которым обмахивал лицо. – В конце концов, все мы тут представляем нечто вроде пестрого сборища, довольно редкое явление в этой стране: европейцы, малайцы, манильцы, копангеры⁸, и конечно, множество японцев. – Капли пота угрожающе повисли на складках его шеи и подрагивали при каждом дунове-

⁸ Тиморцы.

нии ветра. – Мы, европейцы, в абсолютном меньшинстве, я бы сказал – примерно один на сотню, но нам пока удаётся удерживать власть в колонии. «Ассоциация торговцев жемчужом» – самое гостеприимное место для новоприбывающих британцев. – Элиза внимательно посмотрела на худого мужчину и его жену, стоявшую рядом. Она казалась гораздо моложе него и в своём платье цвета слоновой кости была так необычайно красива!

– Как президент Ассоциации рад приветствовать ее новых членов. – Он посмотрел на отца и Виллема. – Надеюсь, вы составите мне компанию вечером, чтобы пропустить по стаканчику джина и выкурить по сигаре. Что же касается вас, – Элиза почувствовала, как вздрогнула мать, – я попрошу Айрис представить вас «Дамскому кругу». Это отличный способ познакомиться с другими жёнами залива. – Пока они оглядывали это унылое место, Элиза безуспешно пыталась понять выражение на лице матери. Неужели они правда думали, что здесь можно разбогатеть? Элиза перевела взгляд на отца. Он на неё не смотрел.

* * *

Больше всего их угнетало невыносимое пекло. Они оказались в ловушке этого безжалостного солнца. В те первые несколько недель она просто обливалась потом. Просыпаясь, обнаруживала, что ее ночная рубашка промокла насквозь.

Когда Элиза ее стирала, ночнушка становилась цвета старой ржавчины. Вскоре все вещи начали гнить. Как перерезанные кровеносные сосуды, расплзалась плесень, прячась по углам. И ко всему прочему появились моль и мокрицы. Прошло немного времени, и всё, что напоминало ей о доме, было уничтожено. За стенами дома свирепые слепни прокусывали кожу через одежду, оставляя шрамы размером с яйцо. Из кустов вылетали всевозможные птицы, а клещи, прятавшиеся в траве, вгрызались в нежную кожу. Они разбухали, напиваясь ее крови, пока Томас не показал ей, как поджигать их спичками.

Она никогда не видела ничего похожего на Баннин-Бей. Элиза всегда представляла себе остальной мир таким же, как Лондон. Но здесь скалы, вода, воздух – все было таким кричаще ярким! Разве деревьям невдомек, что они должны быть зелёными и сочными? Вместо этого они были бесформенными, с облупившейся корой, похожей на старые портянки. Хлынувший дождь застал ее врасплох: он настойчиво барабанил по стенам и крыше, а гроыхало так громко, что звук отдавался в челюсти. Кухня кишела неведомыми тварями. Наглые гекконы застывали, не мигая; под ногами хрустели тараканы. Пауки в ее спальне плели паутину, и по утрам Элиза просыпалась от того, что сверчки замолкали в их хватке.

Однажды на берегу она встретила девушку, Лору Мин. Элизе показалось, что та похожа на воробья, скачущего по пустырю.

– Привет, птичка, – робко окликнула ее Элиза, и девочка улыбнулась, посмотрев на неё.

Мин была дочерью шотландской медсестры и китайского старателя, бросившего работу на золотых приисках. Когда умерла его жена, Се Хун Йен с маленькой дочерью на руках добрался до Баннина. В каждом городе, в который они приезжали, он говорил ей: «Нет. В следующем будет лучше». Так они и путешествовали, пока не оказались в этом месте, почти на краю земли. Он нашёл работу переводчика в Ассоциации, но когда спустя шесть лет тоже скончался, вместе с жизнью забрал и безопасность Мин. Будучи дочерью старателя, Мин была умной, гордой и сообразительной, но кровь, намешанная в ней, ограничивала ее возможности рабочими бараками на окраине города.

В те далекие дни Баннин, как костлявое, ощетинившееся животное, кишел самым разным сбродом: англичане, немцы, американцы и голландцы; переселенцы, китобои, колонисты и каторжники, которых тянуло в город, как личинок на мясо. Многие приехали в надежде найти своё счастье в жемчужных раковинах. Другие были просто проездом в Сидней или колонию на реке Суон. Некоторые добирались через пастбища и опаловые поля – огромных размеров части страны, не отмеченные на английских картах. Она задавалась вопросом: сколько из них, как ее семья, уехали вынужденно?

Внизу на берегу люди сооружали временные жилища из мешковины и жести – скопище приземистых шалашей и

кишащих насекомыми землянок, построенных жилистыми просоленными руками.

Прошло не так много времени, и ее отец и дядя основали небольшую флотилию для поиска раковин на далёких островах. Это было странно и в то же время немного пугало. Но больше всего в те смутные времена Элизу удивляло, сколько люди готовы были платить и чем рискнуть ради жемчужной раковины и сокровищ, скрытых внутри нее. Элиза с раннего детства узнала, что жемчужина светится, словно огонь или лампа. Это та же песня сирены, воплотившаяся в камне, манящая людей в такие дали, о которых они даже и мечтать не могли.

Когда корабли возвращались в гавань, Элиза забрасывала команду вопросами.

– Почему у фигового попугая⁹ такие красные щечки? – спрашивала она. – Если ткнуть солдата палкой, ему будет больно?

Виллем только усмехался, в то время как отец терпеливо объяснял, чертя диаграммы палкой на песке. Тогда отец часто загадывал ей загадки, которые нужно было разгадать, пока он был в море. Под подушкой она находила ключ, а вместе с ним – задание найти сундук и запертые в нем сокровища. Или задаст вопрос «Где спит стрекоза?», и она целыми днями искала, залезая головой в герань, чтобы увидеть, как

⁹ Один из самых маленьких попугаев Австралии. Окраска зелёная, с красными пятнами на щеках.

они цепляются за ее стебли, словно старые увядшие листья. Она хорошо помнит, как в один из дней проснулась и обнаружила в изножье своей кровати нарисованную от руки карту. Целую неделю она, следуя инструкциям, рыскала по саду или под пристальным наблюдением матери рылась в специях на кухне. В результате ей удалось разгадать все подсказки и найти то, что было спрятано в потайном ящике письменного стола отца только для неё: маленький брелок в виде русалки. Она потеряла его пальцами и засунула прохладную вещичку в рот. Ей хотелось проглотить любовь, которую она испытывала к отцу, и навсегда сохранить память о нем.

Ещё она помогала ему собирать образцы для его работ. Эта новая земля очаровала его своей флорой и фауной. Поэтому Элиза исходила окрестности вдоль и поперёк в поисках мест, ещё не нанесённых на их карту. Она забиралась в расщелины красных скал за свежими яйцами в крапинку; в скрытые бухты за кальмарами размером с корабль, выброшенными на берег во время шторма. Возможно, однажды она и сама сделает открытие и заслужит одобрение наравне с мужчинами. Пока же она потеряла счёт, сколько синяков и кровавых ссадин обрела за время этих поисков. Но шрамы лишь свидетельствовали о том, как далеко она готова зайти ради отца.

Глава 3

1896

– Нет, крови не заметили. Мы обыскали весь корабль. – Томас прячет глаза.

Остальная команда покидает люггер, проходя мимо них в сторону города. Их рубахи заляпаны устричными потрохами, а кожа обожжена и высушена солнцем.

Она чувствует, что сердце сбивается с ритма. Пульс стучит где-то в горле.

– Как так получилось, что вы не видели, что произошло? Когда он пропал? – Элиза с силой дергает брата за руку. Он отталкивает ее и заламывает поля своей шляпы.

– Элиза, никто не видел, что произошло, – шипит он. – В том-то и дело. Он просто... исчез вчера. – Чайка, спикировав им под ноги, хватает куски рыбы. Томас пинает ее и, склоняя голову, шагает вперед.

– Ты говорил с командой? – с тревогой в голосе спрашивает она, семеня за ним. – Кто-нибудь должен был что-то заметить. Он не мог просто исчезнуть. Ты же не думаешь, что кто-то из них...

Он с шумом выдыхает.

– Элиза, разумеется, я с ними разговаривал. Ты за кого меня принимаешь? Я расспросил их всех, обшарил палубу, спустил на воду чёртову шлюпку. Я искал его несколько часов, даже на ближайший остров завернули. Только потом взяли курс на Баннин. Теперь это дело констеблей.

Ее как будто сбросили с утеса. В легких не осталось воздуха.

– М-мы должны ещё раз с ними поговорить, – заикаясь, мямлит она. – Они бы не сделали такого. Должно быть, что-то случилось. Томас. Они могли *что-то* видеть. – Она нервно оглядывает пристань. – А где Баларри?

– Отец ещё раньше отправил его на шхуне, с нами его не было. – Томас ускоряет шаг.

– Тогда давай соберём остальных. – От необходимости немедленно действовать ее бросает в жар. Язык еле ворочается во рту. – Томас!

Они подходят к «Кингфиш», словно улей гудящий мужскими разговорами. Земля усеяна битым стеклом, а мужчины с остекленевшими глазами стоят, облокотившись о перила веранды. Команда должна быть внутри, каждый ищет успокоения нервов на дне кружки. Они прямо сейчас могут войти и поговорить с людьми ещё раз, расспросить, не видели ли те что-нибудь.

– Я уже спрашивал их. – Томас даже не смотрит на бар. – Это будет пустой тратой времени и, по правде говоря, оскорбительно, учитывая, через что им пришлось пройти. Лучше

я займусь камнями. На рассвете мне нужно отогнать «Скворца» в Коссак. – Он поднял голову и посмотрел на набегающие тучи. – Или даже раньше, если погода не изменится к лучшему.

От его слов Элиза чувствует, будто ее ударили в грудь. Она застывает посреди дороги.

– Но... ты же только что вернулся. Ты не можешь уехать, пока отец...

Его глаза вспыхивают злым блеском.

– Если я не уеду, флотилии вообще не будет, и мы с тобой останемся *ни с чем*. – Понизив голос, он продолжает: – Нам надо с долгами рассчитаться. Поэтому я должен уехать. Я никому не могу здесь доверять.

– С какими долгами? О чем это ты? – У неё в ушах будто звонит колокол.

– Я должен встретиться с покупателями, – говорит Томас. – Если они сорвутся, конец *всему*. – На звук его голоса пьянчуги начинают оборачиваться, глядя осоловелыми глазами. – Нас задавят другие торговцы жемчугом, если мы не сможем удержать флотилию на плаву – пощады не жди, точно тебе говорю. К тому же ты знаешь, как быстро расползаются слухи. – Махнув рукой, чтобы отогнать мошкарку, он наклоняется ближе. – Кое-кто в Коссаке может что-то знать о команде. – Он оглядывается, проверяя, не следит ли кто за ними. – Многие на сезон дождей снимают там жильё. Возможно, кто-то из них планировал... что-то. По пути следо-

вания будут остановки, так что я поспрашиваю и там. Сейчас это разумнее всего, уверяю тебя.

– Томас, ты не можешь уехать. Что за вздор! Пожалуйста. – Горло перехватывает паника.

– Элиза, да возьми себя в руки! – В его голосе слышится язвительность. – Отец от меня именно этого и ожидает, и это лучшее, что мы сейчас можем сделать, ты же знаешь. – Она слышит заминку, несмотря на резкий тон его голоса. Должно быть, он тоже паникует. – Здесь останутся люди, у которых гораздо больше возможностей выяснить, что произошло. Я послал кое-кого к Паркеру, предупредить. А пока должен спасти флотилию. Не хочу, чтобы наша семья потеряла остальное. – Глядя ей в глаза, он предлагает: – Пойдем со мной в бунгало, соберём для меня провизию. И если ещё не пропадёт желание, завтра утром ты сможешь поговорить с командой. Ночью они выспятся и возможно, вспомнят ещё какие-то детали.

Сама мысль о том, что придётся ждать, вызывает у неё отвращение, она не сможет заснуть – особенно когда ее отец неизвестно где. Она задумалась обо всех тех, кто нашёл свой последний приют на дне моря, о тех, кого настигла кессонная болезнь, и о тех, кому перерезали глотки в полуночных разборках. Ей хочется сбежать, чтобы долбиться в каждую дверь в этом городе. Но она опускает голову и плетётся за братом по пыльным улицам.

Той ночью, чтобы заставить своё тело впасть в оцепенение, похожее на сон, она до капли осушает всё виски, найденное в бунгало. Когда пьянеет, ее лихорадит, а кожа покрывается пятнами. Ей снится отец.

– А ну-ка, Элиза, – окликает он. Его голос обволакивает, как дым сигары. – Найди для меня три разных насекомых на этом кусте. – Даже в полудреме она испытывает детский азарт, представляя, как растирает между пальцев блестящие листья. – Найди мне жужелицу, и мы рассмотрим ее под лупой. Полюбуйтесь, как ее панцирь переливается, словно море.

Ещё ей снится пароход. Отец называл этот долгий дрейф из Англии в Австралию Большим приключением. Она никогда не видела ничего похожего на этот корабль. Украшенные арабским орнаментом столбы в обеденном зале. Фарфоровая посуда с белыми и золотыми птицами. Как каждый вечер, стоя у подножия лестницы, она любовалась спускающимися в вечерних нарядах людьми. Отец с Виллемом днями напролёт планировали жизнь в Баннин-Бей. А ночью Элиза вместе с ними поднималась на верхнюю палубу, чтобы посмотреть, как плывут по бескрайнему звездному небу Южный Крест и Арго.

– Если бы меня унесло в океан, ты бы стал меня искать? –

спрашивала она у отца.

– Я бы все сделал ради тебя. – Облокотившись о перила, он пристально посмотрел на неё. – Но сначала ты должна прислать мне бутылку.

– Бутылку?

– Послание в бутылке. – Он надул щеки и изобразил бульканье, заставив ее захихикать. – Знаешь, – сказал он, – давным-давно королева Елизавета учредила весьма важную должность. Она называлась «Откупорщик океанских бутылок»¹⁰. – Она улыбнулась в темноту. – Мореплаватели и шпионы клали записки в бутылки, бросали в океан, чтобы потом бутылку прибило к берегу или подобрало проходящее мимо судно. И во всей стране только одному человеку, королевскому Откупорщику океанских бутылок, разрешено было их открывать из-за мрачных тайн, которые в них хранились.

– А что, если их откроет кто-нибудь другой?

Отец медленно провёл пальцем по горлу и высунул язык.

Она резко просыпается, как от толчка, руки подрагивают в нетерпении. Голова гудит от выпитого накануне виски. Элиза бросает взгляд на ставни: солнце уже над горизонтом, подглядывает одним глазком. Она спускает ноги с кровати. Пора поговорить с командой.

Пока собирается, духота потихоньку пробирается через

¹⁰ В Англии с 1590 года и до конца XVIII века существовал закон: тот, кто, выловив в море или найдя на берегу запечатанную бутылку, разобьет ее – будет казнен. Для чтения таких посланий была специальная должность – откупорщик океанских бутылок.

ламели. Она заполняет все вокруг, как вода ванную, когда Элиза уже одета. В бунгало царит странная тишина. Наверное, Томас до сих пор спит. Но когда обошла все комнаты в доме и обнаружила, что его нет, плечи ее поникли. По-видимому, он ушёл ещё затемно, опасаясь, что с рассветом поднимется шторм.

Она собирается выходить, но в этот момент взгляд ее притягивает что-то, блеснувшее на комод. Подойдя ближе, Элиза обнаруживает отцовскую золотую перьевую ручку.

«Странно, – думает она. – Он всегда носит ее с собой».

Но едва протягивает к ней руку, раздается громкий стук в дверь. Нахмурившись, Элиза замирает. Кто это может быть в такую рань? Гостей она не ждала. Она открывает дверь, на пороге стоит пожилая вдова. Одной рукой та держится за дверной косяк, а другую прижимает к вздымающейся как у новорожденного птенца груди. Рядом с ней трость, чтобы поддерживать вес ее разбитых подагрой костей.

– Миссис Рисли, – произносит Элиза.

О старой вдове в городе часто шептались. Поводом было ее странное поведение. Ее часто можно было встретить гуляющей поздней ночью, когда луна освещает подернутые дымкой эвкалипты, а кроме стука трости по разохшимся деревянным ступеням не слышно ни звука. Рукоять в форме головы лошади ярко блестела в лунном свете.

– Что случилось? – спрашивает Элиза.

– Это Баларри, – выдыхает миссис Рисли. – Я только что

услышала, что его арестовали за убийство твоего отца.

Глава 4

На окраине города есть одно дерево – баобаб, похожий на слона. Много лет Элиза наблюдала затем, как он растёт, гладила его шершавую серебристую кору, ловила ладонями опадающие белоснежные цветы. Теперь, вглядываясь в крону, ей чудится, будто ветви извиваются, пытаются дотянуться до безжалостного солнца. Ходили слухи, что на этом дереве вешали людей – водолазов, сбегавших с люггеров, аборигенов из лесных племен, охотившихся с копьями на скот. Она делает шаг назад, от этой мысли ей становится не по себе. В этот момент из-за ствола показывается голова, покрытая перьями. Вслед за ней в поле зрения появляется когтистая лапа, а потом бесформенным ярко-белым пятном из-за дерева вылетает какаду. С пронзительным криком он кружит вокруг Элизы и пикирует ей на плечо, пронзая длинными когтями хлопковую ткань.

– Слухи разбрёдаются на ленивых ногах, – гаркает он и, подпрыгнув, начинает грызть ее ленту на волосах. Элиза поднимает голову, чтобы рассмотреть, что это за зверь такой, хотя уже знает, кто это и кому он принадлежит.

– Золотце, извини за него. – К ней навстречу выходит боцман Рейнольд Грант. – К дамам Конфуций равнодушен, не так ли, старина? – Грант прячет широкую ухмылку в похожих на метлу усах.

У него обветренная кожа и глубокие морщины вокруг глаз. Он протягивает вперёд грубые мозолистые руки, чтобы согнать птицу. Этого какаду хорошо знают все в окрестностях Баннина. Всегда болтливый, но когда мужчины угощали его ромом, он ещё и переходил границы приличия. Его часто можно было заметить над городом, пролетающим над рабочими бараками. Лети он в другую сторону, мог бы пролететь над лагерями, предназначенными для содержания туземцев. Ещё дальше – стойла для скота, которые они построили на земле, украденной у тех, кого содержали в этих лагерях. Как бы там ни было, у большинства людей были подозрения, что птицу отправляли потихоньку подслушивать. И Грант определенно в курсе множества секретов. Он знает, у кого из жён какие любовники, кто из ловцов ходит к шлюхам. В действительности он до такой степени проникателен, что некоторые считают, что он практикует чёрную магию и колдовство. Хотелось бы Элизе владеть таким колдовством, чтобы превращаться в птицу и, сидя на крыше, подслушивать сплетни.

«Что они сказали бы об отце? – задавалась она вопросом. – Может ли кто-то что-то знать?»

– Что привело тебя сюда, прекрасная Элиза? – спрашивает Грант, посасывая глиняную трубку, пока птичка устраивается у него на плече.

– Они думают, что Баларри виновен в исчезновении отца. – Она бросает взгляд на дорожку, ведущую к тюрьме. – Его арестовал Паркер.

Грант качает головой.

– Невозможно. Я слышал, твой отец вчера пропал без вести в море? – Она кивает. – Я видел Баларри в лагере до того, как пришёл «Скворец». Его не было на этом судне. Это не мог быть он, никак нет.

Ее пульс учащается. Она *знала* это. Томас сказал, что он покинул судно раньше, ведь так? Торопливо кивнув и поблагодарив боцмана, она направляется напрямиком к тюрьме. Если Баларри арестовали, значит, тот, кто действительно виноват, все ещё на свободе. Значит, отец до сих пор может быть у них. Она спешит в мрачные объятия переулков.

* * *

Тюрьма представляла собой обожжённую солнцем грудку железа. Когда-то это был хлев, где заключённых держали на цепи рядом с лошадьми, а вороны заглядывали сквозь дыры в соломенной крыше. Теперь же под надзором констеблей, пытящих в плотных синих мундирах с перевязью, здесь царил пугающая атмосфера неизбежности. Насколько ей известно, в камеры сажали только таких, как Баларри. Исключение составляли лишь разбуянившиеся сквоттеры¹¹, которых закрывали, когда в город врвался патруль из Рейборна. За совершенные преступления в Баннин-Бей европей-

¹¹ Люди, которые незаконно селятся на чужой или незанятой земле. Сквоттеры часто требуют юридического признания права на место, которое заняли.

цев наказывали нечасто, даже если из-за их действий проливалась кровь аборигенов. В этой части страны законы, принятые в далёком Перте, практически неэффективны, а поскольку любой мировой судья в радиусе трёхсот миль вовлечён в жемчужный промысел, возбуждать дела против тех, кто его добывает, не в его интересах.

Единственного на сегодня заключённого в тюрьме колонисты чаще звали Билли. Когда-то он был одним из самых выносливых ловцов в городе. Но к тому времени, как встретил ее отца, уже был стар и не погружался на дно вместе с командой. Иногда он помогал на «Скворце» вычищать ракушки или продавал в городе дрова. Во всяком случае, так все считали.

Поначалу Элизу со страшной силой тянуло на причал. Она подкрадывалась к надёжно привязанным к нему лодкам и заглядывала внутрь в надежде посмотреть, что за товары в них спрятаны. В одну из тихих темных ночей она поднялась на борт и обнаружила, что под палубой спит странный незнакомец. Элиза испуганно вскрикнула, и он проснулся, вскочил и начал бешено размахивать кулаками. Он яростно вопил, пытаясь отогнать незваного духа, принявшего облик маленького, бледного, чумазого ребёнка. Пока он махался, дух схватил оловянную тарелку и запустил прямым ему в голову. Ударившись об него, тарелка упала и с глухим стуком покатила по полу. В темноте замерли две фигуры, уставившись друг на друга. Когда до Баларри дошло, кто перед ним,

он злобно фыркнул. Элизе показалось, что звук, который издал мужчина, заполнил всю лодку.

К тому времени Баларри уже выяснил, что может сделать его незаменимым для ее отца и в свою очередь позволит свободно передвигаться по улицам Баннина. Он покажет торговцу жемчугом то, о чем тот напишет в своих книгах. О месторождениях особо не распространялись, но такие сокровища сами шли к Баларри в руки. В русле ручья он мог найти раковины столь же прекрасные, как каплевидный жемчуг, за которым гонялись русские. Знал такие места, где после шторма в стволах деревьев можно было найти зелёные камни. Большую часть своих знаний он хранил при себе, но за определенную плату мог убедить колониста, что тот видит лишь верхушку айсберга.

Вместе с торговцем жемчугом приехала его дочь, и когда Чарльз понял, что может поручить Баларри поиск образцов, попросил его брать с собой и Элизу. Баларри согласился, но с условием: он займёт девочку, а ее отец повысит ему жалованье.

Что делать с этими монетами, он пока не знал. Таким, как он, деньги платили нечасто, к тому же в Баннине в большинстве заведений ему просто не разрешили бы ими расплатиться. Однако он понимал, какую власть имеют эти блестяшки, потому что видел, что они делают со всеми людьми в заливе.

Элиза понимала, что для него унизительна необходимость сопровождать ее, но не он ли говорил, чтобы выжить в таком

месте, как Баннин-Бей, вам приходится сталкиваться с самыми разными людьми? Она часами ходила за ним по пятам, чтобы найти выброшенную на илистую отмель черепаху, или водоросли, которые, если их пошевелить пальцем, светились в воде ярко-голубым светом. Она с детства была сильной и понимала, что, благодаря своей ловкости, была ему полезна. Она могла забираться на любую высоту в поисках яиц, цепляясь руками и ногами за узкие расщелины. Он боялся тесноты, замкнутые пространства внушали ему дикий ужас, но для Элизы не составляло никакого труда пробраться через узкое отверстие внутрь пещеры. Конечно, были и абсолютно запретные места, откуда Баларри не позволял брать никаких образцов. На такой случай Элиза стала таскать с собой блокнот, чтобы сделать карандашом наброски того, что они находили.

Поначалу их вылазки были эпизодическими, но со временем превратились в постоянные. Казалось, ее любознательность ему почти не мешала, принимая во внимание то, что сам он не имел привычки задавать много вопросов. Она расспрашивала его о любимых блюдах – от еды он явно получал невероятное удовольствие: семена акации, слива какаду, суп с лапшой, ливер. Ее интересовало, почему вместо джентльменского жилета он предпочитает короткие штаны и рубашку и сколько ему на самом деле лет. Каждый раз он отвечал по-разному. В один день «Двадцать пять», в другой – «Двести пятьдесят». Ей оставалось лишь завидовать тому,

как легко у него все получалось. Он ловил кефаль во время отлива, используя только камни и ветви мангровых деревьев. Выброшенная на мель рыба барахталась, жадно хватая ртом воздух, пока он не заносил над головой копьё и не протыкал ее насквозь. Затем подносил ее к солнцу, и они вместе любовались тем, как в его лучах, подобно драгоценным камням, сверкает окровавленная чешуя.

Она огибает тюремное здание с его людской суетой и облаками пыли. Мужчины сыпят ругательствами, вызывая у нее паническую дрожь. У ступеней веранды сидит на своём мерине абориген-проводник. Облачённый в форму сержанта торопливо набивает седельную сумку. Когда он сердито смотрит на нее из-под полей шляпы, Элиза замечает, что глаз у него налился кровью и заплыл.

– Брайтвелл, что вам надо? – рывкает Арчибальд Паркер. У бешеной кошки больше вежливости, чем у этого офицера. И это набожный человек, вот как его испортила власть. Под палящим солнцем он выводил закованных в колодки заключенных, заставляя их сгребать ракушечник. Бывало, она видела их, этот ужас: вереница на цепи, лязгающая и шаркающая, окутанная клубами белой пыли, превращающей тела людей в мерцающие призраки.

Она делает шаг вперед.

– Вы знаете, что мне надо, – отвечает она. – Его не должны были арестовывать.

Вблизи видно, что у Паркера такая же сухая кожа, как у

всех колонистов. Белёлые губы, обветренные и шершавые, с омертвевшими чешуйками. На шее болтается тонкая цепочка с приоткрытым старым кулоном, в котором виднеется маленькая зернистая фотография женщины.

– И вы туда же? – Паркер застегивает сумку. – У меня уже с утра здесь околачивалась половина дьявольского лагеря аборигенов, чтобы рассказать мне, как делать мою чёртову работу. – Ему на веко садится муха, но он даже не вздрагивает. – Им я уже сказал то же самое: вы опоздали. – Муха переползает ему на нос. – Его нет. Сбежал. Имейте в виду, ненадолго.

Ее внимание привлекает револьвер на бедре проводника, сидящего верхом. Она знает, что в тюремные офицеры берут людей со знанием местности и охотничьими навыками. При мысли о том, что Баларри где-то там, у неё по спине ползёт холодок. Без лошади он не сможет от них оторваться.

– Не нужно его искать, – говорит она. – Он тут ни при чем. Паркер обходит лошадь, и Элиза идёт вслед за ним.

– Он вернулся раньше, на шхуне. Грант видел его в лагере. Сержант моргает. Муха неспешно отползает и улетает.

– Когда мой отец пропал, его даже не было на логгере. – Его отсутствующий вид ее пугает. – Есть свидетель, который может подтвердить, что в то время он находился здесь. – Теперь разочарование буквально обжигает. – Сэр, разве это не ваша работа – защищать в этом городе всех людей?

– Ты про Гранта? – Паркер не останавливает свои сборы. –

Да мне плевать. Как по мне, чёрный свидетель – все равно что никакого свидетеля. Тем более, если тот замешан в колдовстве. – Он делает паузу, чтобы откашляться, сплёвывает мокроту в платок и вытирает платком сапог. – В любом случае, как только я поймаю этого аборигена, его будут судить за нападение на сержанта полиции. Накажут по всей строгости закона. – Подняв голову, он как будто удивлён, что она не уходит. – Брайтвелл, вы только напрасно тратите время. Ступайте своей дорогой.

Она беззвучно открывает и закрывает рот. Перед глазами все плывет. Не только Баларри грозит опасность. Если Паркер бросит все силы на эти бессмысленные поиски, здесь не останется никого, кто мог бы отыскать отца.

– Что ж, тогда я докажу, что он этого не делал!

Хмыкнув, сержант останавливается.

– И как вы собираетесь это сделать?

Элиза опускает глаза, отмечая про себя, что его засаленная борода касается пуговиц на мундире.

– Я знаю, что он ничего не сделал! – Не уверенная, как ответить на его вопрос, она тянет время. – Он бы не стал. Это бесполезная трата ресурсов, в то время как вы должны выяснить, что в действительности произошло с моим отцом. Нет оснований считать, что он умер.

Паркер раздражается дребезжащим хохотом, забрызгивая ее блузку ошметками табака.

– Если вы верите в это, то вы ещё глупее, чем все осталь-

ные в этом проклятом городишке.

Она пытается не думать о безжизненном теле отца на дне океана. Пока кто-нибудь не докажет обратное, она будет верить, что он по-прежнему жив. *Должна* верить в то, что он жив.

Паркер хлопает лошадь по крупу, и животное встает на дыбы, чуть не скинуть проводника на пыльную землю. Сержант подходит к своей лошади. Элиза должна остановить его. Обрывки мыслей крутятся в голове. Горячо. Лихорадочно.

– Я это *докажу*, – заявляет она с вызовом, пока он осматривает свою винтовку. – Я узнаю, что случилось с моим отцом. Я... я приведу его сюда. Тогда вам придётся отменить поиски. Это докажет, что никакого убийства не было.

Паркер скучающе вздыхает.

– Что ж, Брайтвелл, сделайте одолжение, порыскайте в этом городишке, как какая-то сорвавшаяся с привязи шавка. Найдите мне какого-нибудь ублюдка, который захочет признаться, – фыркает он. – А ещё лучше, как предлагали, приведите своего отца прямо сюда, на эту самую веранду. Вам, наверное, придётся насадить его труп на шест, чтобы он стоял прямо.

Элиза стискивает зубы, но сержант ещё не закончил.

– Заставьте его дышать, мисс Брайтвелл, и тогда, *разумеется*, я отменю розыск. – Его голос становится елеинным. – Кстати, заодно принесите мне золотого гуся. И пусть он бу-

дет пожирнее, мне до смерти надоело грызть хрящи опоссума.

Его взгляд сочится ядом, но Элиза полна решимости. Если не поможет сержант, она сама выяснит, что случилось с отцом, и как можно быстрее. Она сжимает кулаки. Мужчины уносятся галопом, исчезая в облаке красной пыли.

Глава 5

Элиза тяжело дышит, грохнув дверь, врывается в кабинет отца. Мягкий свет струится внутрь, освещая танцующие в воздухе пылинки. На мгновение она цепенеет. Здесь все пропитано его запахом. Землистый запах его просоленной кожи, аромат благовоний, которые он зажигал, чтобы отпугивать тараканов.

Она торопливо осматривает комнату. Отец всегда писал в своём дневнике золотой перьевой ручкой. Если ручка сейчас в бунгало, возможно, и дневник тоже здесь.

Вдоль одной стены тянутся широкие полки из джарры, заставленные стеклянными сосудами, секстантами и искусно разрисованными глобусами. Под ними теснятся ряды потрепанных книг. Элиза наклоняется, проводя рукой по прохладным корешкам: «Морские губки Южного полушария», «Белый кит и Вилли-Вилли». Выпрямившись, она натывается взглядом на картину с изображением птицы-шалашника¹² на стене. Это поразительное существо увековечено благодаря своему розовому гребню. Позади него нарисован шалаш, украшенный камешками, семенами и ракушками – всевоз-

¹² Птица отряда воробьиных. В начале периода размножения самцы сооружают на земле нечто вроде шалаша и украшают место вокруг своей постройки цветами, ракушками или ягодами. Таким образом они добиваются расположения самки. Шалаш это не гнездо, а лишь место для спаривания.

можными безделушками, которые он собирал, чтобы произвести впечатление на свою подругу. Элиза заглядывает в сосуды, стоящие под картиной. Сквозь мутную жидкость на неё смотрят безжизненные глаза. Одни принадлежат рыбе фугу, раздувшейся до невероятных размеров колючий шар, с губами, сжатыми для неслучившегося поцелуя. Рядом – маленький осьминог, вялый и поникший.

Он напомнил ей об одном жарком дне на пляже «Шестьдесят миль», когда земля под ногами светилась янтарем. После отлива они забирались на скалы. Очертания берега то проглатывало, то выплевывало обратно. Подобрал в скалистом бассейне красивый камешек с синими узорами, она подумала, что отец с удовольствием поставит такой на свою полку, и решила подарить ему это сокровище. Элиза погладила камень, и синие узоры замерцали. Она всего на пару мгновений замешкалась, но этого хватило, чтобы отец заметил и отдернул ее.

– Нет! – Его голос прозвучал резко и громко. Камень открыл глаза, явив прямоугольные зрачки. – Это синекольчатый осьминог. Никогда его не трогай. – Они с опаской заглянули в скалистый бассейн, как если бы у него были зубы. – Его укус может убить человека всего за несколько секунд, – добавил он. – Самые большие существа не всегда самые смертоносные.

На краю полки она обнаруживает две серебряные рамки. В одной зернистая фотокарточка красивой женщины, взгляд

которой устремлён прямо в камеру. Ее черные волосы скрывает синяя шляпа с большими полями, в мочках ушей – серьги с драгоценными камнями. На коленях у женщины сидит маленькая Элиза, застенчиво глядя мимо камеры. На другом фото – малыш с белоснежными волосиками, напуганный яркой вспышкой фотографа. Он замер, приподняв брови и сжав маленькие ручки в кулачки. У Элизы перехватывает дыхание. Она берет рамку и переворачивает ее лицом вниз.

В дальнем углу кабинета стоит стол, заваленный бумагами. Чертежи разбросаны вперемешку с замысловатыми рисунками кораблей, каждый изображён разрезанным пополам, чтобы показать его внутреннее устройство, как кукольный домик. Над столом висит огромная деревянная доска с нарисованными от руки диаграммами. Изобретения отца. Или «эксперименты», как ему нравилось это называть. Неудачные проекты «плавающего трехколёсного велосипеда», «железных крыльев» и «воздушного шара, перевозящего человека».

Ниже она заметила записи, над которыми они совсем недавно работали вместе, все оживлены его живописными иллюстрациями: воплощённые в жизнь ловкими мазками танцующие щупальца морского анемона и гофрированные борозды на брюхе кита-горбача. Внимательно осмотрев стол, она замечает между двумя книгами толстую пачку бумаг. Потянув за нее, Элиза обнаруживает подборку газетных ста-

тей, каждая аккуратно вырезана и разглажена. Она берет первую попавшуюся и подносит к свету.

Открытое письмо от мистера Дэвида Карли государственному секретарю, Перт, Западная Австралия, 11 января, 1886 года

Автор этого письма прибыл в Коссак и Рейборн в 1872 году.

Прошу вашу светлость прочесть это письмо, ибо оно от человека, ставшего очевидцем описанных в нем событий. Автор письма счёл своим долгом также сообщить начальнику полиции капитану Смиуту и генеральному прокурору мистеру Хенсману о жестокости, жертвами которой становятся аборигены, о похищении и рабстве, ставшими в стране обычной практикой, о чем автор неоднократно заявлял властям. Северо-Западное побережье Австралии погрязло в насилии, рабстве и убийствах. И хотя принято считать, что там, где развевается британский флаг, рабства существовать не может, автор этого письма может доказать обратное и сделает это, ибо ни в одной стране мира не совершаются настолько жестокие деяния, а из аборигенов делают бесправных рабов.

Эти аборигены работают ловцами жемчуга, и все, что они получают за свою работу, – это немного муки дважды в день, и к тому же этих несчастных похищают, покупают и продают, и все это происходит на глазах у магистратов и полиции, получающей взятки за своё попустительство. Закон о наказании за рабство в Западной Австралии – лишь на бумаге.

В течение многих лет правительство нанимало в полицию людей, которых судили в Верховном суде Перта за убийство как белых, так и чёрных людей, и все равно они оставались работать в полиции. В 1884 году Арчибальд Паркер был осуждён Верховным судом Перта за то, что избил семидесятилетнего мужчину в Ротгнесте; он получил три месяца тюремного заключения. Вскоре после этого правительство произвело его в сержанты полиции и отправило служить в Рейборн, где автор письма много раз был свидетелем его ужасающей жестокости по отношению к аборигенам в Рейборне и Коссаке.

Он и в настоящее время служит в полиции.

Взгляд Элизы зацепляется за имя – Паркер – и жирное подчеркивание пером под ним. Перед ее мысленным взором предстаёт бледное лицо сержанта и взгляд человека, который считает, что у него что-то отняли. Она вспоминает тот день, несколько лет назад, когда Баннин задыхался от жары, а двое людей в форменных мундирах не торопясь ехали в сторону города. Об их появлении возвестил глухой звук выстрела, и когда они приблизились, Элиза с отцом увидели, как мужчины скидывали свои «Снайдер-Энфилды¹³» и стреляли в затенённый участок. Каждый выстрел сопровождался визгом или воплем агонии, после чего собака или кошка выползали на открытое пространство, чтобы испустить дух под лучами

¹³ Британская однозарядная винтовка XIX века.

солнца. Элиза не могла поверить в то, что на ее глазах происходит такой ужас. Затем она увидела, что лошади остановились перед пьяницей, валявшимся в пыли. Кожа его живота, покрытая язвами, белела из-под задранной рубахи.

– С дороги! – со своего места в седле скомандовал один из офицеров.

Элиза подумала, что было бы гораздо проще, если бы он потянул животное в сторону, чтобы спокойно проехать мимо. Мужчина что-то промычал, дёрнувшись так, что лёг щекой на землю. Из рта потянулась ниточка слюны, оставляя на красной пыли дороги темное пятно.

– Вставай, или я тебя сам оттащу.

Молчание затягивалось. Офицер шумно выдохнул, перекинул ноги через седло и спешил с винтовкой в руке. Когда он подошел к телу, она увидела, как по его лицу, словно мазок краски, расплзлась улыбка. Его жесткая борода доходила до груди, а густые брови обрамляли маленькие глубоко посаженные глаза. Его напарник, по сравнению с ним безволосый, тоже спрыгнул с лошади, и они с азартом обступили пьяницу. Чисто выбритый офицер шагнул вперед и пнул сапогом в живот мужчины, затем наклонился, схватил его за плечи и дернул, заставив сесть. Глазные яблоки пьянчуги дико завращались, а из горла вырвался протяжный стон.

– Ты поднял отличный кусок грязи, – с ледяным хладнокровием сказал бородатый офицер. Прежде чем Элиза успела отвести взгляд, он без предупреждения занёс винтовку

над плечом и обрушил ее на лицо мужчины. Когда металл встретился с плотью, раздался тошнотворный хруст. И воцарилась тишина. Кровь брызнула алым дождем и залила землю. Офицеры расхохотались, а у Элизы от ужаса все сжалось внутри. Мужчина, обмякнув, лежал на спине, его шея была залита кровью. Но сержанту и этого показалось мало. Усмехнувшись, он пошире расставил ноги над телом, растянул ремень и откинул голову назад. Тёплая моча полилась дождем, словно клубы дыма поднимая пар от обожженной солнцем кожи.

Она проводит языком по зубам, как будто все ещё чувствуя там пыль. Сержант и ее отец никогда не ладили. Отец считал Паркера чудовищем, а Паркер в свою очередь считал отца слабаком. Могло ли быть так, что сержант знал: отец в курсе его преступления? Могло ли это стать причиной того, что он не хочет добиваться правды в их деле и игнорирует шанс найти отца живым?

Ей *необходимо* найти дневник, возможно, он внесёт больше ясности.

Она обдумывает стоящую перед глазами сцену, копаясь в своей памяти в поисках хоть какой-то упущенной подсказки. Уносится все дальше, возвращаясь в те времена, когда отец работал в этом кабинете, а она была рядом. Как он сидел, склонившись над своими рисунками, или старательно переписывал цифры в бухгалтерскую книгу, а она за ним наблюдала. И тут ее осенило: брелок с русалкой, который он спря-

тал для неё. Он лежал в потайном ящике этого стола. Она делает шаг вперёд и не задумываясь сметает со стола все бумаги и книги. Ухватившись обеими руками и потянув за передний край стола, она открывает верхнюю часть. Внутренний ящик выложен зеленым бархатом. В центре лежит кожаный дневник с золотым тиснением: *«Дневник Чарльза Дж. Г. Брайтвелла, торговца жемчугом»*.

У нее отвисает челюсть. Элиза столько раз видела эту вещь, но исключительно в руках у отца. Если он не взял ее с собой сейчас, на то должна быть веская причина. Сердце от ужаса бьется о рёбра. Она берет в руки книгу, проводит ладонью по обложке и, осторожно открыв, медленно перелистывает страницы, пропуская подробные зарисовки строения раковин и звёзд, записи о жизни в море, о приключениях и акулах. Она убирает руку, и книга раскрывается шире. Она слышит, как что-то с тихим шелестом соскальзывает со страниц, и видит, как белое пятно приземляется на пол. Элиза наклоняется, собираясь поднять это что-то: сложенный листок конторской бумаги. Развернув его, обнаруживает послание, нацарапанное знакомыми каракулями отца именно так, как он сделал был, если бы оставил для неё подсказки.

Чжоу А
Три камня
от Шебы

Она хмурится, не понимая смысла слов, но внезапно бумага в руке становится тяжелее. Внизу под посланием наца-

рапан крошечный символ, похожий на серп или полумесяц. Она проводит по нему пальцем. Что бы это значило? Комната плывет перед глазами. Шеба. Конечно же, имеется в виду Шеба Лейн. Она мысленно воспроизводит образ оживленной улицы. Это адрес? Но что важнее – должна ли она найти его? Она подходит к стулу и садится. Хотя ее мозг усиленно работает, конечности налились свинцом. Что-то скребёт глубоко внутри. Она в замешательстве. Она взволнована, но в одном уверена. Если собирается узнать, что случилось с отцом, должна начать с Чжоу А.

Глава 6

Лагеря на берегу сверкают, как капли воды на солнце. Сам берег усеян обломками старых люггеров, разбитыми чайниками и пыльными осколками бутылок. Полоска песчаных дюн, поросших кустарником, отделяет Чайна-таун от лагерей. Окружающие их мангровые болота тянут пальцы к ручьям, в которых водится сом. Элиза вспоминает, как в дни ее детства во время отлива люггера с четырёхугольными парусами выстраивались в ряд. Как она, не замочив ног, перешагивала через частокол мачт с палубы на палубу, и каждая лодка кренилась под ее весом.

Она торопится, ее мысли заняты только одной целью: найти человека, который, уверена, поможет расшифровать послание отца. Пока идёт, знакомый звон в ушах угрожает отвлечь ее от цели. Отца это больше всего раздражало.

«Элиза, ты опять заткнула уши», – ворчал он на неё. Звук становится все громче с каждым ее шагом. Она по старой привычке трясет головой, пытаясь избавиться от него, как будто звук может вылететь и скрыться в кустах.

Она проходит мимо рядов перевёрнутых клинкерных¹⁴ лодок и собравшихся возле ветхой хижины мужчин в майках. Взгляды у них остекленевшие, а пальцы пожелтели от

¹⁴ Особенность построения лодок, когда планки обшивки кладутся внахлест друг на друга.

табака. От них в небо поднимается дым спиралью.

При появлении Элизы каждый мужчина приветствует ее, наклоняя голову и поднимая вверх дрожащий палец. Она чувствует на языке вкус перегара в их дыхании и вынуждена судорожно сглотнуть.

На песке две тощие кошки. Они вцепились в обожженную солнцем плоть того, что, должно быть, когда-то было дюгоном¹⁵. Повсюду развешана вяленая рыба с выклеванными чайками глазами. Слабый бриз разносит кипарисовую стружку и вонь протухшего мяса устриц. Так всегда бывает, когда надвигается сезон дождей. Некогда сонные улицы просыпаются и начинают суетиться, а население города разрастается, исчисляясь тысячами. Вдоль улиц разносится железный лязг молотков, перенаселенные прибрежные лагерь оживают благодаря ковке, чеканке, шлифовке и смолению. Возбужденные мужчины, как муравьи-бульдоги, мечутся между игорными заведениями и борделями. Раскатистый смех сгущает воздух парами алкоголя. Элиза с ужасом думает о том, что ждёт Мин.

Она подходит ближе к берегу, и взгляд цепляется за что-то на мелководье. Слизкие колокольчики медуз болтаются почти на поверхности, и Элиза наклоняется, чтобы их рассмотреть, как вдруг на воду падает тень. Спустя мгновение тело ее холодеет. Выпрямившись, она поворачивается и,

¹⁵ Вид водных млекопитающих, к этому виду относится ещё стеллерова корова, истреблённая в XVIII веке.

несмотря на крепко зажмуренные глаза, знает, кого увидит, как только их распахнёт. Перед ней – скорее небольшая гора, чем человек; на его широком лице глаза рептилии. Щеки с бакенбардами, спускаясь на шею, встречаются с мощными покатыми плечами.

– Мисс Брайтвел, вот так встреча!

Она одаривает его хмурым взглядом. Ей кажется, что пуговицы на ее воротничке сами расстегнулись, потому что чувствует, как затылок обдувает бриз.

– Бедняжка, так печально слышать новости о вашем отце! – Под его немигающим взглядом она застывает на месте и натягивает рукава на запястья. Пуговицы не выходят у нее из головы.

– Я всегда говорил, что у таких, как Билли, ненасытная жажда крови, – произносит он. – И жажда грога. Чтобы ее утолить, они не останавливаются ни перед чем. *Особенно* если не следить за порядком. – Он протягивает руку и гладит поскуливающую рядом собаку. Мускулы пса бугрятся, подобно канатам, из пасти капает слюна с лягушачьей икрой. – Он унюхал запах твоей женственности, – произносит он, дёрнув собаку за цепь. – Реагирует так на всех женщин, просто ещё не привык. Сдвинь ноги, и он скоро успокоится.

Моргнув, Элиза морщится от отвращения. Ей стоило догадаться, что в лагере она столкнётся с Сидом Хардкаслем. Он часто околачивается на берегу со своим мастифом, похожим на какое-то библейское изображение ярости. Торгов-

цы жемчугом происходят из разных слоев общества – колонисты и животноводы, предприниматели и моряки торгового флота – большинство белые европейцы и азиаты, использующие поддельные документы для своих люггеров. Но есть и такие негодяи, кто использует работорговлю для собственной наживы даже с применением силы против тех, кому не повезло работать на них. Сид Хардкасл – самая гнилая из таких душ. Элиза останавливает взгляд на кнуте, который тот держит за поясом. Единственное судно, эксплуатирующее аборигенов, принадлежит ему. Она часто слышала о том, как ловко он управляется этим кнутом.

– Баларри не виноват в том, что мой отец... – Она замолкает, не уверенная в том, какое слово подобрать. Исчез? Озвучить другой вариант у неё язык не поворачивается. – На самом деле я хотела спросить у *вас*: когда вы видели его в последний раз? – Медленно расправив плечи, она останавливает взгляд на ближайшем дереве. Там серая птичка с чёрной головой насадила на колючку маленькую ящерицу. Зелёное тельце неподвижно висит, пока птица терзает его плоть. Засмотревшись, Элиза не сразу осознаёт, что Хардкасл обхватывает ее подбородок большим и указательным пальцами и поворачивает ее лицо к себе. Он так близко, что части его лица расплываются у нее перед глазами. В ушах начинает шуметь. Море, пыль, облака – все это разом обрушивается на нее.

– Я уже несколько недель не видел Чарльза, – произносит

он. Изо рта у него воняет гнилью. Уголок его рта дергается, и она не может отвести взгляда.

– Не подскажите, как пройти к «Кингфиш»? – разрезает воздух голос позади них.

Хардкасл опускает руку, и Элиза, обернувшись, обнаруживает, остановившегося посреди лестницы мужчину. В его жилистых руках мокрая корзина с раковинами. Сдвинутая на затылок шляпа открывает тонкие черты лица и холёные усы. В голове у неё вспыхивает искра узнавания. Это тот самый мужчина, что следил за ней на пристани.

– Две улицы назад. Ты и так это знаешь, прилипала! – рявкает Хардкасл, отчего его живот колышется.

Кивнув, мужчина продолжает спускаться вниз по ступенькам, но снова останавливается.

– Мисс, мне очень жаль слышать о том, что случилось с вашим отцом, – произносит он, наклоня голову. – Судя по всему, он очень образованный человек. – Он говорит с сильным акцентом. Что-то иностранное.

– Думаю, парень, ты хотел сказать «был», – цедит Хардкасл сквозь зубы. – А теперь проваливай.

– Вы знаете его? – окликает Элиза мужчину, удаляющегося в сторону одного из лодочных ангаров. Распахивается дверь, и раздаётся звук удара томагавка. Она открывает рот, чтобы ещё что-то сказать, но мужчина уже скрылся под покровом тени.

Глава 7

Миссия в Баннине создаёт впечатление на редкость запущенного места: скопление вросших в землю полуразрушенных соломенных хижин. Так называемая церковь стоит на трухлявых, прогнивших пнях. Земля вокруг неё твёрдая, как старая задубевшая шкура. Деревья, росшие здесь, неумело выкорчеваны, чтобы освободить место для того, что однажды может стать английским садом. Рядом недостроенное здание школы, странно напоминающее городскую тюрьму, а на веранде ветер полощет пару белых штанов и рубашку. Элиза, прищурившись, внимательно вглядывается. Ей кажется, что это похоже на призраков, если бы она верила в них.

– Элиза, голубушка! – Широко раскинув руки, словно сгоняя заблудившееся стадо, отец Эрнест Маквей выбегает ей навстречу. Борода у него припорошена пылью, а ряса волочится по земле. Он берет ее за руки и заглядывает в глаза. – Я слышал о вашем отце, Элиза. Мне *очень* жаль. То, что случилось, – ужасно, просто ужасно. Особенно после того, что произошло с вашей матерью и, ну... – Голос его постепенно затихает. – Чарльз заходил перед отплытием флотилии, – продолжает он. – Мы довольно долго обсуждали команду. Конечно, он помогал финансировать строительство коттеджей. Все-таки все хотят держать своих работников ря-

дом. Ах, как жестоко, что Баларри оказался в тюрьме!

Она вкратце рассказала о том, что тот сбежал, и о намерении Паркера разыскать его. Он удивленно приподнимает брови.

– Зайдите-ка лучше внутрь.

Элиза знает, что многие в Баннине считают священника посмешищем. Они поднимают на смех самую мысль о том, что старый шотландец сгоняет в церковь аборигенов, пытается учить их псалмам, облачать их смущающую наготу в европейские одежды.

– Он фантазёр! – кричали торговцы жемчугом, сидя на своих скрипучих шезлонгах. – Чокнутый, который возится с дикарями.

Но Элиза всегда видела в этом человеке только доброту. Даже те, кого он пытался обучать, потешались над ним, хотя формально он приехал сюда, чтобы спасти их души. Но он был таким человеком, который ничего не брал для себя – ни их земли, ни воды, ни женщин, а вознамеривался только отдавать: кров, еду, заботу, веру. Хотели они того или нет.

Он провожает ее в засиженную мухами церковь, где после спящего солнца тускло, как в холодном тумане. Внутри на удивление чисто. По центру – скамьи из плавника. На простом пюпитре лежит Библия в заплесневелой обложке из телячьей кожи. В темном углу прислонены стойки для крикета, возле них брошен запылённый темно-красный мяч.

– Пойдите сюда. Давайте присядем ненадолго. – Они

устраиваются в передней части церкви, куда сквозь жалюзи на окнах просачивается скудный солнечный свет. Что-то есть в тихом голосе мужчины, что успокаивает Элизу. Святой отец – единственная добрая душа, проявивший *настоящую* заботу об отце. Все остальные в городе, в том числе и ее брат, с таким упрямством торгующий в Коссаке, продолжают жить обычной жизнью, в то время как ее собственную жизнь швырнули об стену, разбив вдребезги.

– И как справляется ваш брат? – спрашивает Маквей.

– Он отплыл в Коссак по делам.

Немного помолчав, Маквей складывает пальцы домиком.

– Я думаю, в том, что он отстранился от этой трагической ситуации, нет ничего такого ужасного, – произносит он задумчиво. – И мы ведь знаем, как он переживает.

Она старается не вспоминать, как однажды еле живого Томаса вытащили из борделя на Шеба-лейн. А сколько раз она просыпалась и обнаруживала, что он валяется на веранде с засохшей на шее рвотой, а вокруг с удовольствием кружат москиты!

Сейчас она вновь переключает внимание на этот разговор. Нельзя терять времени, поэтому Элиза сразу переходит к своей просьбе.

– Я думаю, про исчезновение моего отца многое не договаривают, – произносит она, а затем прикусывает язык. Может, он, как Паркер, посмеётся над ней? Но священник молчит, только хмурится, и она продолжает: – Я не верю в то, что

он мёртв. Не знаю почему, вернее, пока не могу объяснить, но если смогу выяснить, что произошло, если смогу найти его, тогда, наверное, и Паркер свернёт розыск Баларри.

Маквей ничего не говорит, лицо его непроницаемо. Она понимает, какое впечатление, должно быть, создаёт о себе у этого мужчины, какой отчаявшейся кажется большинству жителей Баннина.

– Знаю, вы можете счесть меня глупой, но все же я никак не могу понять. Разве можно просто так исчезнуть с корабля? – Нуждаясь в человеческом контакте, она наклоняется так близко, что чувствует тепло его тела. – Томас сказал, что жемчуг не пропал. Следов борьбы не было, как и следов крови. К тому же я кое-что нашла. У него в дневнике. – Сунув руку в карман, она достает конторскую бумагу, разворачивает и передаёт ему.

– Что это? – спрашивает он. – Адрес? – Пока он читает, из глубины зала раздается шум. Повернувшись, Элиза видит мальчика лет двенадцати, осторожно расставляющего на полке книги.

– Ах да, это Квилл, – говорит Маквей, указывая пальцем на ребёнка, замершего как будто его застучали при набеге на кладовую. – Этот парень сообразителен как никто другой. – Маквей поднимается и пересекает зал, подходя к Квиллу – худощавому мальчишке с большими карими глазами. На шее у него веревочка с маленьким распятием. – Квилл один из самых усердных юношей, что встретились мне в заливе. Мо-

жете себе представить, до того, как я взял его учеником в здешнюю миссию, он был попрошайкой и зарабатывал на жизнь, нанимаясь матросом на корабли. Теперь он помогает с ремонтом, занимается огородом и даже ведёт уроки, – с гордостью кивает Маквей. – Нам известно только то, что его мать из лагеря. Но кто его отец, боюсь, никогда не узнаем. Таково положение дел в этом месте. Хотя определенно он европеец. – Квилл стоит, потупившись. – А как *замечательно* он читает! – восторгается Маквей. – Я не знаю больше ни одного матроса, который умел бы читать. А вы, Элиза? Это же невероятно. Конечно, он хорошо владеет люггерским пиджином и может до некоторой степени понимать другие диалекты, учитывая, сколько времени провёл на кораблях. – Ученик поднимает на неё взгляд. – Он, эээ... составляет латинские книги по алфавиту, правда, Квилл? – Маквей скрещивает руки на груди.

Склонив голову, Квилл ставит книги и поворачивается, чтобы уйти. От этого движения что-то выскакивает у него из-за пояса и с глухим стуком падает на пол. Элиза поднимается и подходит, чтобы это поднять. Это оказывается книгой, выцветшей и потрёпанной. Она переворачивает и читает название на корешке. «Морские ковбои. Приключения в открытом море». Задержавшись на пороге, Квилл с любопытством за ней наблюдает. Элиза, мимолетно улыбнувшись, молча отдаёт книгу и возвращается к миссионеру, который отрывается от разглядывания бумаги.

– Это адрес, и знаете, мне что-то совсем не нравится все это.

– Значит, вы его знаете? И знаете, что означает этот знак полумесяца?

– Нет-нет, но можно предположить, что в этом мало приличного. Для такой юной леди Шеба Лейн место весьма небезопасное. Вам не следует идти на этот адрес одной, и я от всей души надеюсь, что такого намерения у вас нет.

– Что ж, а я надеялась, что идти одной мне не придётся. – Она ещё не закончила фразу, а Маквей уже качает головой. – Пожалуйста, мне просто необходима помощь! – Ее голос напряжен. – Я должна выяснить, что произошло. Я уверена, что кому-нибудь в этом месте *что-нибудь* известно. – Она замолкает на мгновение, разочарованно выдохнув. – Мне нужен мужчина, с помощью которого можно будет получить доступ в определенные заведения. – Ей приходится произнести эти слова вслух, но они вызывают у неё негодование.

– Элиза, по правде говоря, это совсем не в моей компетенции. Это будет выглядеть не очень хорошо.

– Ну тогда мне придётся идти одной. – Разгладив складки на юбке, она отступает от него на шаг.

Маквей, застонав, соглашается.

– Хорошо, ладно. Я знаю, что это.

Обернувшись, Элиза видит, что он озабоченно хмурится.

– Я знаю, о каком доме говорится, – нехотя признаётся он. – У него достаточно дурная слава в определенных кругах

города. – Элиза широко распахивает глаза.

– Вы слышали о тонгах? – спрашивает он, глядя ей в глаза. Не дождавшись от неё ответа, он продолжает: – В этой группе только мужчины. Нехорошие мужчины. По-настоящему испорченные. Они проворачивают темные дела. Подделка драгоценностей и тому подобное. Азартные игры. Бордели. – Он качает головой. – Эти людишки называют себя «Братством убывающей Луны». – Он помахивает бумагой. – Отсюда и знак. – Маквей ведёт по рисунку пальцем. – Это своего рода визитная карточка. Шрам в форме серпа, который они оставляют на теле. Это очень опасные люди, не стоит с ними связываться. А мне не стоило вам о них рассказывать.

Она *уже* слышала о тайных сообществах, о том, как они приводили в исполнение свои приговоры, оставляя после себя тела с выпученными глазами и разорванной трахеей. Перед глазами все плывёт.

– Я понятия не имею, зачем ваш отец записал этот адрес у себя в дневнике.

От одной мысли об этом ее начинает тошнить. Отца вовлекли в торговлю фальшивым жемчугом? Или того хуже – он приложил руку к борделям? Он всегда был очень мягким человеком, но, возможно, какая-то часть его души ожесточилась после жизни в Баннине.

– Как мне туда проникнуть?

– Элиза.

Что бы он ни натворил, она должна найти его.

– Вы же знаете, что я так или иначе узнаю, так что лучше бы вы сами мне рассказали.

Священник тяжело вздыхает.

– Я расскажу, если пообещаете, что найдёте себе провожа- того. Кого-то, кто знает город. Джентльмена. А не какого-ни- будь жулика, которого встретите в подворотне. Кого-то, кто сможет вас защитить.

– Обязательно, – отвечает она, от всей души надеясь, что выражение лица ее не выдаст.

– В Чайна-тауне у «Звезды» поверните направо, перейди- те через дорогу и идите туда, где рыба. Там недалеко.

– Рыба, – кивает она.

– Мимо не пройдете, но обещайте мне, Элиза, что найдёте кого-нибудь, кто пойдёт с вами.

Она скрывается за дверью.

Глава 8

Уже два дня ворон наблюдал за человеком из зарослей кустарника. Он появился, когда человек спал под тенью большого кровавого дерева. Ворон устроился на ветке у него над головой, ссутулившись, как убеленный сединами мудрец. Когда человек проснулся, птица хрипло каркнула, и по равнине разнеслось эхо «ар-ар-ар». Человек добывал себе пищу, а ворон, наклонив голову, наблюдал за его трапезой застывшим белым глазом. Затем человек продирался сквозь чащу леса, а ворон следовал за ним, хлопал изодранными крыльями, перелетая с ветки на ветку.

Человек пока не замечал никаких признаков своих преследователей. Но он старался держаться самых заросших участков страны пиндан, избегая голой, почерневшей земли, изуродованной лесными пожарами. Больше всего ему нравился бурелом, где карисса и сухое камедное дерево тянули к небу тонкие ветки.

Пейзаж вызывал жажду, а сухая кора громко хрустела под ногами человека. Когда придёт сезон дождей, вода здесь всё затопит и котлованы исторгнут из себя рои жуужжающих насекомых. Но пока остаётся только радоваться тому, что они позволяют ему укрыться в своей тени.

Когда он выбрался из бурелома, ворон снова устроился на ветке. Мужчина, прикрывая рукой глаза, посмотрел вдаль.

На горизонте в мареве жары что-то мерцало. Ворон тоже увидел это и поднял голову. Там клубы пыли взмывали в небо, поднятые копытами лошадей, скачущих галопом. Человек повернулся и скрылся в кустарнике. Теперь они идут по его следу. Он должен убраться отсюда как можно быстрее.

Глава 9

С вершины самой высокой дюны под лучами полуденного солнца залив кажется размытым пятном. Прищурившись, Элиза поднимает ладонь к глазам и рассматривает раскинувшийся невдалеке приземистый Чайна-таун. Спустившись вниз, она пропускает мужчин из прибрежных лагерей, идущих от мясника. На плечах у них шесты с мясными тушами. На пристани толкаются пеликаны с чайками, люди в белых костюмах с конторскими книгами скрупулёзно подсчитывают корзины с раковинами. Неподдалёку переминается хромая кляча с тележкой, доверху нагруженной коробками. Окружающие илистые отмели усеяны катушками с канатами, якорными цепями и белыми парусами, развёрнутыми, словно крылья бабочек.

Почему Маквей не захотел ее сопровождать? Вопиюще несправедливо, что мужчины могут ходить туда, куда ей, как женщине, хода нет. Наверное, можно было бы попросить кого-нибудь из команды, но это привлекло бы ненужное внимание. Она разочарованно вздыхает. Если бы только Томас остался ей помочь.

Она проходит мимо кучки людей, столпившихся вокруг ловушек. Зеваки разглядывают что-то увесистое на мелководье. Присмотревшись, ей удаётся различить пластинчатое тело крокодила. Его вытащили с широко раскрытой огром-

ной частью на всеобщее обозрение.

Малыш с животиком, как у головастика, карабкается ему на спину и довольно скачет. Вспышка фотографического аппарата пугает Элизу, заставляя вспомнить ее собственные семейные прогулки. Как она ползала на четвереньках в поисках маленьких сокровищ и складывала их в кармашек. Песок был усеян фарфоровыми улитками и литторинами ¹⁶. Отец обустроивал место для пикника, а Томас бродил по мелководью. Если она позволит своему сознанию проникнуть достаточно далеко, где размытые фигуры, как призраки, появляются и исчезают, она сможет разглядеть там ещё одного человека. Изображение нечеткое, но если сосредоточиться, можно получше его разглядеть. Это мальчик, ростом едва достает ей до колена. Пухлые ручки в рукавах хлопковой туники. Из-под чепчика выбился завиток светлых волос.

– Ещё раз здравствуйте, мисс, – выводит Элизу из задумчивости голос. – Ох, прошу прощения, – запинается он. – Не хотел напугать вас.

– Вы меня не напугали, – отвечает она, смахивая невидимую крошку со своей блузки.

Это тот самый мужчина, что отвлек Хардкасла от разговора с ней на берегу. Именно его она застукала, когда он наблюдал за ней на пристани. Высокий, ростом примерно как она и, судя по всему, старше нее на пару лет. Под мышкой у него маленькая корзинка, а потрепанная шляпа сдвинута

¹⁶ Род брюхоногих моллюсков.

на затылок. Несколько верхних пуговиц рубашки, торчащей из-под замызганного коричневого жилета, расстегнуты, а у горла повязан красный шейный платок.

– Я узнал вас по походке. Увидел вас за милю, – улыбается он ей.

– Простите? – после секундного замешательства переспрашивает Элиза.

– Шаг у вас – как бы это сказать – как у цапли. Немного грациозный, немного тревожный. Высоко поднимаете ноги.

Она оглядывается.

– Сэр, даже не знаю, что на это ответить. – Ещё одна вспышка фотографического аппарата.

– Какое я животное? – спрашивает он. Она изумленно смотрит на него. – Это будет справедливо.

Она какое-то время молча наблюдает за тем, как он быстро кивает и замирает, как будто его просят позировать для портрета. Он что, заигрывает с ней? Из кармана его жилета выглядывают папиросная бумага и кисет с табаком.

– Что ж, я бы сказала, что вы похожи на кого-то вроде веретенника¹⁷. – Она скрещивает руки на груди. – Стройный. Энергичный. – Она не смогла заставить себя произнести вслух слово «странный».

Он не говорит ни слова в ответ, но она замечает улыбку, тронувшую его губы, и спешит заполнить неловкую паузу.

– Что-то похожее на орлиный клюв. Или скорее нос. Как

¹⁷ Болотные птицы с очень длинным клювом и длинными ногами.

будто вы ищете в земле червяка. – Она мысленно закатывает глаза.

– Веретенник, – повторяет он за ней с резким акцентом. – Боюсь, никогда о таком не слышал. Я так понимаю, вы англичанка?

– Я...

– Ваш акцент. Вы из Англии?

– Ах, да. Мы приплыли из Лондона.

– Что ж, мне стоило бы обидеться, но в действительности, если как вы говорите я веретенник, тогда *вы* должны быть червяком. – Он перекладывает корзину из одной руки в другую. – Так что полагаю, здесь я победил. Хотя мне показалось, что я мог бы быть кем-то более мужественным. Свирым кенгуру, например. Или жеребцом...

Она не знает, куда деть глаза, поэтому опускает взгляд на его ботинки. В воздухе пахнет пылью и горячим керосином.

– Хорошего дня! – вежливо кивает она и делает шаг вперёд. Мужчина в один стремительный широкий прыжок преграждает ей путь.

– Ах, постойте. Вы кто? То есть как ваше имя?

Она отступает назад.

– Мне показалось, вы знаете моего отца? – с подозрением спрашивает она.

Мужчина немного краснеет, но не сдаётся.

– Мисс, меня зовут Аксель Крамер. И если вас удивляет мой акцент, то он немецкий. Считается, что у меня что-то

вроде турне. – Он очерчивает в воздухе круг. – Но последние пару недель я живу здесь. Знаете, вообще-то мне нравится это место. Если не принимать в расчёт тараканов. И, конечно, крыс.

– Понимаю.

– У меня тут вроде как бизнес. – Похоже, он хочет удержать ее внимание и машет в направлении сарая в ста ярдах дальше по пляжу. Сквозь искаженное и размытое марево жары с такого расстояния разобрать трудно, но кажется, что хижина – металлический прямоугольник с открытым фасадом – заполнена большими корзинами и перевёрнутыми деревянными ящиками. Внутри несколько человек что-то перебирают или полулежат, разморенные жарой.

– Раковины с берега, – объясняет он, слегка смутившись. Она знала, что люди собирают на берегу раковины, прочёсывая после отлива коралловые рифы и морское дно. Когда обнажились илистые отмели, они ежедневно по несколько часов бродили, наполняя свои корзины, но она никогда не слышала, чтобы этим занимался кто-то из европейцев.

– Это несколько необычная работа, но эти рифы дают вполне приличный урожай, – говорит он. – В основном жемчужные раковины и трохусы¹⁸. Местные жители досконально знают эту землю, все секретные места, бухты, приливные бассейны. От меня толку мало. Я умею ходить под парусом, но пловец из меня никакой. Мы делим найденные трофеи

¹⁸ Брюхоногие моллюски, их раковины – источник перламутра.

и договорились, что в обмен на их знания я занимаюсь продажей жемчуга. Хотя пока удача была не на нашей стороне. Думаю, что я приехал не в сезон. Нам очень нужен большой королевский прилив. – Элиза чувствует, как пот стекает по спине. – Что ж, рад с вами познакомиться. – Слегка склонившись, Аксель протягивает ей правую руку, заложив левую за спину.

– Элиза. Брайтвелл. – Он пожимает ей руку так крепко, как можно было бы ожидать, будь она мужчиной. – Мы живем здесь уже десять лет или около того, – продолжает она. – Мой отец был... То есть он и *сейчас* торговец жемчугом. Ему принадлежит «Белый скворец» или по крайней мере принадлежал. Но вы и так это знаете. – Она хмурится. Песок под ее ногами приходит в движение.

– Мисс Брайтвелл, – произносит Аксель. – Я слышал про торговца жемчугом. Вашего отца. – Он быстро отводит взгляд на горизонт. – Слышал, им удалось посадить кого-то в тюрьму.

Она высоко поднимает подбородок.

– Тот человек не виноват в том, что случилось. – Она начинает собирать юбки. – И чем дольше люди будут верить в его виновность, тем дольше остальные остаются вне подозрений. – Она знает, что была чересчур резка, но перед глазами у нее встает туманная картинка с обугленными краями, на которой ее отца схватили, угрожая револьвером. Или что ещё хуже, его безжизненное тело плавает в воде лицом вниз. Она

устремляет взгляд поверх головы Аксея на город. Он преграждает ей путь на Шеба Лейн.

– Я и не жду, что вы мне поверите, – говорит она. – Вы даже представить себе не можете, что это за место. – Она собирается пройти мимо, но он хватает ее за плечо. Элиза отталкивает его, и мужчина смущенно выдавливает:

– Прошу меня простить, мисс Брайтвелл, но вы многого обо мне не знаете. Если вы говорите, что тот человек не мог убить вашего отца, я вам верю.

Она пристально смотрит на него.

– Более того, если хотите, я готов помочь вам в расследовании.

– Нет, все хорошо. – Она заправляет за ухо прядь волос. – Не стоит беспокоиться.

– Мисс, возможно, я здесь не так давно, но знаю, что женщины в Баннине не пользуются теми же привилегиями, которые есть у мужчин. – Он смотрит как будто с вызовом. – Предполагаю, что в большинстве заведений на вас будут смотреть косо. Возможно, откуда-то побыстрее выпроводят за дверь. В других оценят по достоинству лишь ваши женские прелести. – Кажется, он чем-то встревожен, и моргнув, возвращается в нужное русло. – Правда в том, что вместе со мной вам легче будет получить пропуск в некоторые места.

Изучая мужчину перед собой, она думает об обещании, что дала Маквею. Может, она и встретила этого человека на

улице, но это вовсе не означает, что он обязательно должен оказаться не джентльменом. Более того, она задаётся вопросом, не придётся ли ей защищать его. И ещё ее смущает, почему он так рьяно стремится помочь ей.

– И вы ничего не хотите взамен? – Она оценивающим взглядом окидывает его щуплые плечи и унылую шляпу.

– Нет, кое-что хочу.

Она приподнимает брови.

– Вы можете рассказать мне о Баннин-Бей. Вы были правы, когда предположили, что я мало что знаю об этом городе, а знать это мне необходимо, если хочу закрепиться в этом бизнесе. Разве можно найти лучшего наставника, чем дочь торговца жемчугом? – Он обшаривает взглядом ее лицо в поисках ответа.

Она пытается представить себе, как он вступает в схватку с мужчинами на задворках «Кингфиш» или бесшумно проскальзывает в заведения на Шеба Лейн под покачивающимися на ветру бумажными фонариками. И почему-то не может. Что-то этого мужчину отличает от всех, которых она встречала раньше. Но мужчина – это то, что ей нужно, и Аксель Крамер на данный момент кажется ей самым подходящим. Ей вовсе не обязательно рассказывать ему все, что она знает. Она может использовать его для того, чтобы перед ней открылись определенные двери. А потом он может вернуться к своей работе, и она найдёт отца.

– Что же, полагаю, вы в *какой-то* степени должны обла-

дать деловым складом ума. – Она бросает взгляд на жалкую лачугу. – Кажется, вы честно обращаетесь с местными, чего нельзя сказать о многих людях, живущих здесь. – Она впиивается взглядом в его пронизательные глаза, крючковатый нос, тонкие усы. Прокручивает все это в голове. Если ее отец может проверять людей, почему бы ей не сделать то же самое. – Хорошо.

– Вы готовы? – расплывается он в улыбке.

Дневник Чарльза Дж. Г. Брайтвелла, торговца жемчугом. Заметка про акул Северо-запада Австралии

Опытный натуралист знает, что воды, омывающие северо-западное побережье Австралии, изобилуют морской живностью, включая всевозможные виды рыб, дельфинов, дюгоней, китов, черепах и около двухсот видов акул.

Заканчивая свой первый сезон ловли жемчуга, могу со всей определенностью сделать вывод, что залив Баннин является местом притяжения акул. На мелководье обитают мако, черноперые и тигровые акулы, а огромные акулы-молот с мордами горгулий патрулируют воды поглубже. Но самым смертоносным оказался участок немного севернее мыса Вилларе. Знаю людей, которым белые акулы разорвали бёдра в нескольких ярдах от их логгеров. Белая акула – это свирепое, завораживающее существо с массивным шиферно-серым телом и чёрным, леденящим душу каждого моряка мертвым взглядом.

Не далее чем два месяца назад на логгере Хардкасла «Странствующая Ева» одному юноше полностью оторвало ногу. Он забился в конвульсиях и умер до того, как кто-то

смог добраться до бедняги и спасти от потери крови. Это был воистину траурный день, после которого ловцы жемчуга объявили войну акулам. По плану нужно было забрасывать за борт крючки со свежей наживкой и ждать, когда чудовище под водой начнёт клевать. Акулу в конце концов поймали, наполовину затащили трепыхающуюся тушу на борт и расплосовали брюхо, выпустив внутренности с потоком красно-коричневой жижи. Конечно, это привело других акул в неистовство, и пока они жадно пожирали убитую, мужчины набросились на них с револьверами, гарпунами и ножами – со всем, что попадалось под руку. Зрелище было ужасающее. На борту логгера подвесили одновременно туши дюжины акул. Пока их сумели отогнать, но посмотрим, вернутся ли они после сезона дождей.

Глава 10

Вонь стоит такая, что слезятся глаза. Жареный лук, куркума, креветочная паста и имбирь смешиваются с сандалом и амбре нескольких сотен мужчин. В этом приземистом посёлке домишки жмутся друг другу, как пьяницы в сумерках. Чтобы защититься от весеннего паводка, все дома стоят на пнях. Люггеры выбросили свои команды на берег, и скорость этого места бешеная. Улицы превратились с размытое пятно из людей и кошек, охотящихся в темных подворотнях за грызунами, а затем приносящих убитую добычу на деревянные веранды.

Элиза кое-что знает об этом месте. Здесь продают специи, золото, порошки афродизиаков. Навязывают травяные снадобья от бородавок и болезней печени, фурункулов и ожогов. Магазины для сквоша¹⁹ открыты для всех желающих допоздна. Китайцы-портные спорят за место с мясниками. Бордели теснят бильярдные салоны. Сбились в кучу ночлежки, лавки зеленщиков и табака, прачечные и питейные заведения.

Никогда прежде не видела она столько мужчин в одном месте. Японцы и островитяне Южного моря, манильцы и синегальцы, яванцы и даяки²⁰, копангеры и бразильцы. Лю-

¹⁹ Игровой вид спорта с мячом и ракеткой.

²⁰ Аборигены с острова Калимантан.

ди из разных слоев общества, от врачей и предпринимателей до чернорабочих и нищих. Когда сезон добычи жемчуга в самом разгаре, в городе почти не остаётся мужчин, кроме трактирщиков, лавочников, да ещё разных бездельников, что предпочитают сухие веранды сырости моря. Поэтому Элиза привыкла несколько месяцев в году жить в пространстве, главным образом наполненном женщинами. Женщины копают, женщины лечат, женщины проводят заседания совета и ремонтируют здания. Однако когда возвращаются мужчины, предполагается, что эти же женщины просто вернутся на свои места, как консервные банки в дальний угол шкафа.

От этих мужчин исходит странный жар, а их разногласия болтовня словно густой смолой заполняет воздух. Перед ней и Акселем они расступаются; некоторые, склонив головы, отходят, что-то ворча себе под нос. Время от времени мимо с грохотом проносится двуколка, запряженная вечно недовольной клячей. Мужчины, согнувшись в три погибели, наполовину парализованные от кессонной болезни, торгуют здесь рыбой, мангровым крабом, мясом дюгоней и черепах. Из граммофона льётся заунывная мелодия, сопровождаемая кошачьим мяуканьем и негромким стуком шариков на абаках²¹. Улыбающийся мужчина, расположившись на балкончике, играет балладу на укулеле.

Из одной из лавок зазывает синегалец-реставратор жемчуга. Его филигранная работа заключается в том, чтобы уда-

²¹ Счетные доски.

лять заметные изъяны на камнях. При помощи тончайших инструментов он может раздвинуть многочисленные слои кожицы, цепляющиеся друг за друга, как лепестки розы. Иногда удаётся вырезать загнивающий кусочек плоти и сохранить жемчужину. Бывает, что гниль расплзается до самой сердцевины, как бывает и у человека.

Они подходят к оживлённому перекрестку. Здесь нет никаких уличных указателей, кроме нескольких искореженных кусков жести, прибитых к стволу эвкалипта с железной корой.

– Прошу прощения, сэр, – останавливает Аксель проходящего мимо человека. Рубашка на нем велика, а из маленького рта свисает сигарета. – Пардон за беспокойство, но мы ищем «Звезду»...

Мужчина, мазнув взглядом по Акселю и Элизе, качает головой и торопливо убегает прочь, как медведка. Аксель, застёгнутый на все пуговицы и обливающийся потом, стягивает шляпу с головы и вытирает лоб.

– Мисс Брайтвелл, что теперь?

Она не смотрит на него, обшаривая взглядом покосившиеся витрины. Он зовёт ее по имени ещё раз и ещё, уже громче.

– Элиза?

Когда она наконец поворачивается к нему, он приподнимает брови. Такое знакомое выражение лица!

– Простите, – потряхнув головой, отвечает Элиза. – У ме-

ня иногда звенит в ушах. – Аксель, нахмурившись, догоняет ее. – Такое чувство, что все вокруг закрывается. Как будто меня закопали в землю. – Прищурившись, она вскрикивает: – Ага!

И до того, как он успевает сообразить, она уже шагает к зданию. На приземистой и широкой террасе салуна полно мужчин. Возле входа выстроились костлявые лошади с мешками на мордах. Неподалёку сквозь грязь пробивается белый эвкалипт. К нему прислонен квадратный железный лист с нарисованной пятиконечной звездой.

– Маквей сказал перейти через дорогу, – кивает Элиза.

Дневник Чарльза Дж. Г. Брайтвелла, торговца жемчугом. Трагедия

Могу сказать без прикрас, что сегодня был один из самых печальных дней. Всего через два года жизни в Баннине семью постигла трагедия. Виллем лишился ноги после долгой борьбы с некрозом, который едва не стоил ему жизни. Все началось несколько недель назад: на глубине двух футов, прямо у пристани, на брата напала медуза. Должно быть, это была одна из разновидностей кубомедузы, потому что он только и успел вскрикнуть от укуса, – а сколько агонии было в этом крике! – как тут же закатил глаза и начал задыхаться. Мы вытащили его на берег, и Блайт осмотрел его в операционной. Доктор порекомендовал ему покой, и Виллем следующие четырнадцать дней провёл в постели. Но очень скоро рана начала кровоточить, а потом нога стала гнить. Боже, что это была за вонь! Без платка, прижатого к носу, я даже подойти к нему не мог. Марте невыносимо было видеть его в таком состоянии, поэтому она старалась держаться подальше. Но нога, конечно, продолжала гнить и почернела. Плоть была твёрдой и блестящей, как шкура жареной рыбы, и отделялась от костей при малейшем прикосновении. В итоге Блайт отпилил ногу чуть вы-

ше колена. Брат потел, метался в лихорадке, пока инфекция окончательно не покинула его тело. Мы найдём ему протез, но боюсь, в этих краях можно рассчитывать только на деревянный. Поэтому нам придётся пока приостановить наши планы – совместное руководство флотилией, два брата, торгующие жемчугом и выходящие в море со своей работающей командой. Я сказал дорогому Виллему, что он может по-прежнему оставаться партнером, на берегу, пока не окрепнет достаточно для того, чтобы взойти на борт логгера. А пока я буду делиться с ним частью добычи, это справедливо, учитывая обстоятельства. Но он помрачнел и отвернулся. Мерцание свечи отбрасывало тени на его осунувшееся лицо.

P.S. Заметка о кубомедузах (переписана из моих натуралистических заметок и приводится здесь для контекста). Бесспорно, кубомедуза – одно из наиболее опасных существ океана. Она унесла жизни стольких ныряльщиков, что невозможно сосчитать. Эти хищники отличаются бледно-голубыми кубическими телами и чрезвычайно длинными щупальцами (они могут достигать 10 футов – см. иллюстрацию). Они высокоразвиты, способны быстро передвигаться в воде, а не дрейфовать, а их необычайно сильный яд действует таким образом, чтобы мгновенно оглушать или убивать добычу. Никакие попытки вырваться не вредят их щупальцам. Я могу с уверенностью сказать, что охотнее встречу с акулой или морской змеей, чем с кубо-

медузой. Вот почему мне так жаль Виллема и наши с ним утративший силу договор. У брата есть свои недостатки, но такой судьбы он не заслуживает.

Глава 11

Насчёт рыбы миссионер оказался прав. Они развешаны по всем стенам, и их глаза следят за Элизой, куда бы она ни шагнула. Внизу на поддонах тушки разложены, как мраморные плиты, каждая покрыта идеальной мозаикой чешуи. Посередине всего этого сидит человек, такой же старый и иссохший, как табурет под ним. На мужчине штаны, поблескивающие от чешуи, и тонкая майка, под которой виднеется дряблая кожа.

– Извините, сэр, – говорит Элиза.

Мужчина медленно, как дым, поворачивается лицом к ней. Она с удивлением замечает, что зрачки у него молочно-белого цвета.

– Вы случайно не знаете...

– Мы бы хотели рыбу, пожалуйста! – перебивает Аксель, неуклюже взмахнув руками. Он бросает многозначительный взгляд на Элизу. – Большую рыбу. Самого свежего... окуня?

Аксель задерживает дыхание, когда мужчина медленно поворачивается на звук его голоса. Вокруг царит тишина, нарушаемая отдаленной руганью мужчин возле «Звезды». Торговец поднимается и медленно подходит к рыбе, начинает ее ощупывать, скользя ладонями по перламутровой шкуре. Наконец, когда его пальцы останавливаются на особи с застывшим на морде выражением ужаса, он поднимает ее и мед-

ленно подходит к Акселю.

– Пенни! – рявкает торговец.

– Ну и ну! Что ж, ладно. Резонно. Конечно. – Порывшись в кармане, Аксель выуживает монету. – Хорошего дня, сэр. – Он забирает и сует себе под мышку рыбу. Та обвиняюще смотрит на Элизу, а мужчина так же медленно отправляется обратно на своё место.

– Зачем вы купили рыбу? – шепотом спрашивает Элиза.

– Затем, что это вызовет подозрения, если мы сразу пойдём туда. – Окунь у него под мышкой подрагивает.

Они заходят в переулок, берущий своё начало возле рыбной лавки. Здесь темно и прохладно, под ногами хрустят колочки, разбросанные муравьями. Сам дом – двухэтажный, ничем не примечательный. На веранде валяются пустые бутылки и висит посеревшее белье. Рядом с дверью сложены горкой три больших камня.

– Три камня, – шепчет Элиза и подходит к двери.

– Подождите! Вы уверены, что это хорошая идея? – Аксель хватая ее за плечо, оглядываясь на переулок, по которому они только что шли. – Мы не знаем, кого можем встретить в этом доме и какими делами тут занимаются, – шепотом произносит он. – Может, лучше нам просто... остановиться и немного подумать? – Он потихоньку кладет на землю рыбу и вытирает руки о свои колени.

Тяжело вздохнув, Элиза поворачивается к нему.

– Аксель, позвольте вас спросить кое-что. Где сейчас ваш

отец?

Он молчит. Хмурится.

– Ах, даже не знаю. Скорее всего, в это время года он в Гамбурге. У него там много дел. Покупает и про... – Его голос обрывается на полуслове.

– Мой отец и мой брат – все что у меня здесь есть, – произносит она. – И мой отец, – она мгновение колеблется, – он действительно порядочный человек. Я верю, что он хороший, что бы ни произошло. Он не заслуживает того, чтобы о нем забыли или отказались от него. Если бы я куда-то пропала, неважно, билось бы мое сердце или нет, я знаю, что он сделал бы абсолютно все возможное, чтобы меня найти. – Она опускает голову. – Я сделаю то же самое ради него. А вы, если не желаете помогать мне, можете возвращаться на свой берег. Вы мне ничего не должны, это вполне справедливо. Ну а я собираюсь постучать в эту две... – Она еще не успевает договорить, а он уже проходит мимо неё и поднимается на крыльцо. – Нет! Подождите! – Она поворачивается и кидается за ним. – Я сама это сделаю. Элиза поднимает руку, собираясь постучать, но ошеломленно замирает. На деревянном полотне вырезан маленький полумесяц. Она замечает, что дверь немного приоткрыта и прохладный воздух вырывается наружу, сражаясь с пеклом. Она кладет руку на полотно двери и толкает. С протяжным скрипом дверь распахивается.

В комнате царит полумрак, разрезаемый тонкими мечами

солнечного света. Из обстановки только большой деревянный стол почти на всю правую стену. Рядом стоит небольшой табурет. За ним ещё один дверной проем с приоткрытой дверью, через которую проникает свет из дальней комнаты. Сквозь щель Элизе удаётся разглядеть большие полки с демиджонами²², наполненными застоявшейся жидкостью. На двери прикреплена небольшая табличка, должно быть, с именем, но Элиза не может его разобрать. На спине она чувствует руку Аксея, подталкивающего ее вперёд.

– Эй? – зовёт она в темноту. В доме царит звенящая тишина. – Здесь есть кто-нибудь?

Не дождавшись ответа, они переходят к осмотру длинного стола, прикрытого скатертью. Элиза делает шаг вперёд и осторожно приподнимает уголок ткани. Дыхание застревает в горле. Она опускает ткань и собирается с силами. Элиза прекрасно знает, что ей предстоит увидеть. Успокоив нервы, она медленно стягивает ткань как можно дальше, и перед ними открывается мерцающее море жемчуга. Оба молчат, ошеломлённые количеством сокровищ, разложенных перед ними на столе. От камней исходит странное сияние, похожее на туман, который витал дома над Темзой. Должно быть, здесь сотни жемчужин, переливающихся от цвета зелёной мурены до голубой стрекозы и нежно-розовой гвоздики. Некоторые из камней барочной формы²³, маленькие и не круг-

²² Большая пузатая бутылка из толстого стекла.

²³ Неправильная, несферическая форма.

лые, но самый большой – размером почти с ее глазное яблоко. Она осторожно берет его в руки и поворачивает, любясь танцующими переливами в тусклом освещении. Кажется, будто внутри жемчуга целая метеосистема – сиреневые грозовые облака и пенистые белые кучевые облака, кремнисто-серый цвет океана перед первыми лучами солнца. Она сглатывает. Элиза знает, что среди всех раковин, привезённых на люггерах, шансы найти жемчужину один к десяти тысячам. Если повезёт, в день владелец жемчужного промысла может заработать сотни, а то и тысячи фунтов за день. Но подобная жемчужина обеспечит ее владельца на всю жизнь. Сколько принесёт такая коллекция, она даже представить себе не может.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.